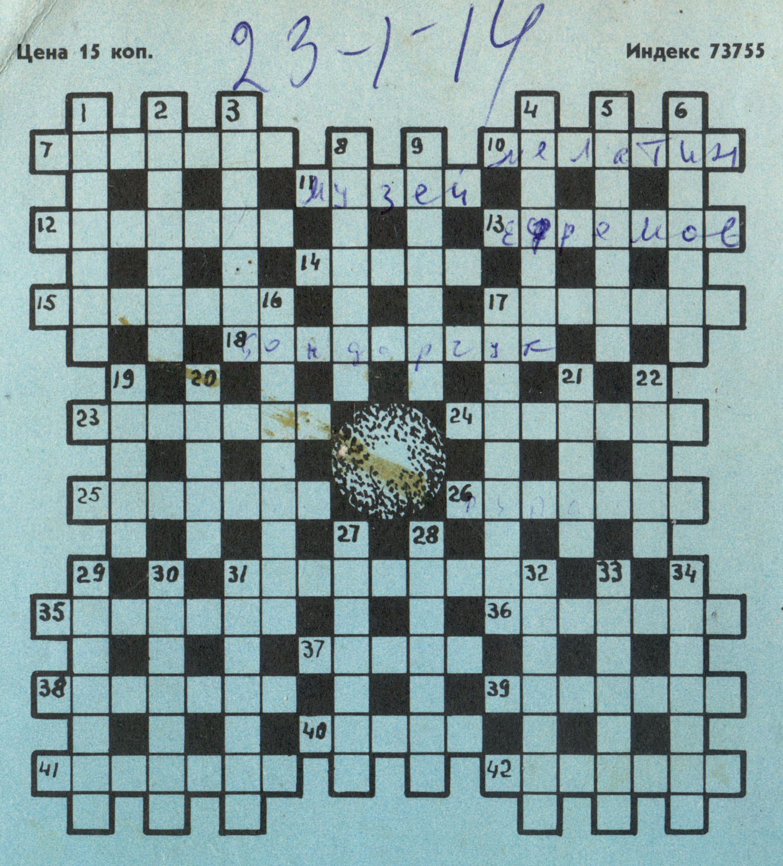
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **7.** Систематический свод сведений, наблюдений. **10.** Вещество, употребляемое в кулинарии. **11.** Помещение для выставок. **12.** Государство в Западной Африке. **13.** Главный режиссер одного из московских театров. **14.** Французский художник и изобретатель, один из создателей фотографии. **15.** Кинотеатр в Москве. **17.** Советский писатель. **18.** Советский кинорежиссер, народный артист СССР. **23.** Стихотворный размер. **24.** Герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». **25.** Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. **26.** Персонаж сказки А. Н. Толстого. **31.** Микротелефон, необходимый для индивидуального прослушивания синхронного перевода. **35.** Трикотажная фуфайка. **36.** Одна из характеристик светящихся тел. **37.** Герой киргизского эпоса. **38.** Поэма В. Маяковского. **39.** Химический элемент. **40.** Небольшое музыкально-поэтическое произведение. **41.** Точка зрения. **42.** Историческая область на северо-востоке Ирана, центр Парфянского государства.

По вертикали: **1.** Спутник Юпитера. **2.** Кукла для примерки или показа одежды. **3.** Языческий бог. **4.** Изображение на светочувствительной пластинке или пленке. **5.** Крупное морское животное. **6.** Специалист, изучающий строение и функции живой клетки. **8.** Ударный инструмент. **9.** Вид драматического произведения. **16.** Внутренний слой некоторых раковин. **17.** Перерасчет, обмен одной валюты на другую по действующему курсу. **19.** Официально установленный размер стоимости, оплаты чего-либо. **20.** Человек крупного телосложения. **21.** Летчик-космонавт ЧССР, Герой Советского Союза. **22.** Древний сосуд для питья в виде рога. **27.** Род пальм. **28.** Удаленная от центра часть города. **29.** Поваленные бурей деревья. **30.** Писатель, ведущий одной из популярных телевизионных передач. **31.** Минерал, разновидность гипса. **32.** Научное предсказание. **33.** Картина Н. Ярошенко. **34.** Герой партизанского движения на Украине 1942—1945 гг.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

12'89 Общественно-политический ежемесячник

ОЧЕРК АНАТОЛИЯ СТРЕЛЯНОГО

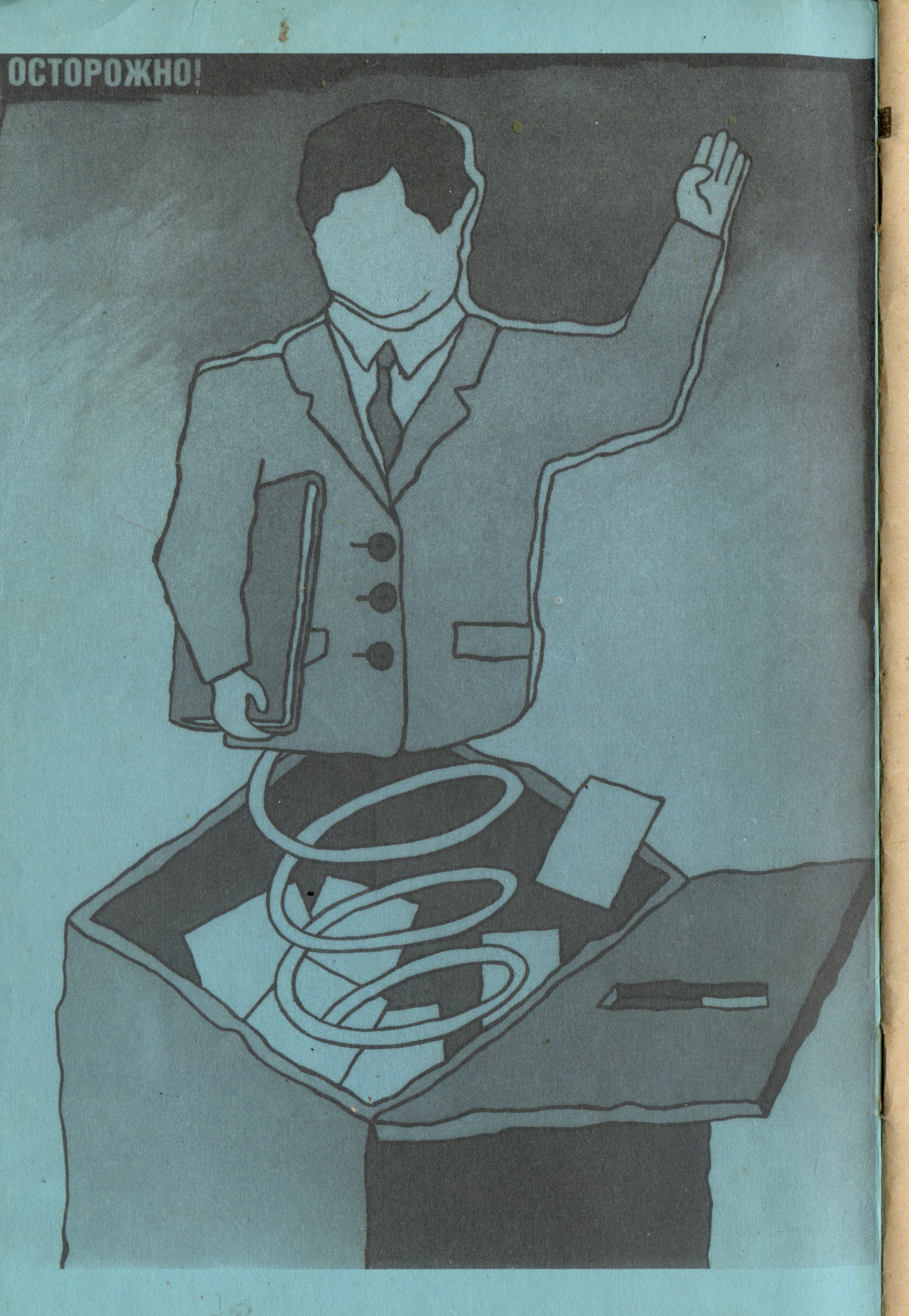
Документы Московского народного фронта

Интервью со Святославом ФЕДОРОВЫМ

...Татьяной КОРЯГИНОЙ и Тельманом ГДЛЯНОМ

...Александром ЗИНОВЬЕВЫМ

С Новым, 1990 годом!

Плакат художника Юрия Леонова

12 (69) •89 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 03.11.89. Подписано к печати 08.12.89. Л22683. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,87. Тираж 100 000 экз. Заказ 292. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—233 / М172(03)—89 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладках: живопись и графика Александра Зиновьева

ИСЦЕЛЕНИЕ ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ

Имя глазного хирурга Святослава Федорова хорошо знают в Советском Союзе и во многих других странах. Это один из лидеров в мировой офтальмологии Но не только. Его уважают и за блестящие успехи в организации лечебного дела в межотраслевом научно-техническом комплексе «Микрохирургия глаза», который он создал своими руками, и за несгибаемость в борьбе с косной и консервативной административно-бюрократической системой управления медициной и экономикой.

Своими мыслями о перестройке в обществе, в народном хозяйстве и организации здравоохранения в беседе с нашим корреспондентом Олегом Михеевым делится член-корреспондент Академии наук СССР, народный депутат СССР, генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза» Святослав Николаевич ФЕДОРОВ.

— Сейчас много говорят и пишут, особенно на Западе, о кризисе социализма, о непопулярности его идеалов даже у людей, живущих в социалистических странах. Так ли это, по вашему мнению!

— Нельзя смешивать воедино суть социализма и ту его форму, которую мы называем административно-командной и которая, к сожалению, так знакома нам всем. До сих пор, читая газеты, по-прежнему натыкаюсь на целые страницы-постановления: как мы должны хорошо работать в сельском хозяйстве, в строительстве, в образовании и так далее. Как можно сейчас, в наши дни, плодить такие документы, состоящие из призывов и заклинаний? И это называется борьбой с административно-приказными методами управления! Опять очередные призывы, которые кончаются очередными командами. Да мы все давным-давно научились уклоняться от любых команд, потому что если нет экономических рычагов, то всегда можно «втереть очки» любому начальству, свалить вину на кого угодно.

Вот если бы появился такой документ, скажем, по сельскому хозяйству: за литр первоклассного молока, товарищи, вы получите 65 копеек, а не 30, за хорошее масло — не 2,8, а 3,8 рубля; распоряжайтесь средствами производства как считаете нужным: хотите ночью работайте, хотите — днем, хоть три, хоть 12 часов, но чтобы ваши потребители остались довольны. И больше работнику ничего не нужно. И все постановление уложилось бы в полстраницы. Но таких документов я пока что-то не читал.

Аппарат министерств по-прежнему работает против народовластия, зачастую и против элементарной логики. За 70 лет все эти постановления ничего не дали, кроме того, что нет бумаги для книг.

Социализм, как я его понимаю,— это защита всех людей, а не только богатых, от болезней, от несправедливости, от старости, от неожиданностей, несчастных случаев. Это система, которая защищает человека, но в то же время дает ему возможность полностью проявить, раскрыть себя. Которая не ограничивает никакой труд, никакое творчество, не загоняет его ни в какие экономические или психологические рамки. Думай и делай все, что хочешь, только не мешай, а помогай людям. Помогай себе, другим, всем — мешать нельзя! Вот единственный лозунг, имеющий право на жизнь.

Как-то меня чиновники из министерства упрекали за то, что я отобрал десяток молодых специалистов из институтского выпуска, и оказалось, что большинство из них — дети интеллигентов, некоторые даже дети медиков. Я им ответил: готов взять детей грузчиков и кочегаров, если они всерьез интересуются офтальмологией и у них работает голова. Не могу понять: интеллигенты — это что, люди второго сорта? Почему их надо преследовать? Какой-то атавистический социальный апартеид.

Разве можно ограничивать талант людей в зависимости от их пола, национальности, социального происхождения? Ведь мы живем в социалистическом государстве! До сих пор мы сталкиваемся с ситуацией, когда член партии имеет право расти по службе, а беспартийный — нет. Вступил ты в партию — ты уже белый, не вступил — ты еще черный.

Мы создали общество, где человек часто не может применить свои силы с пользой для себя и для других. Особенно в трудном положении молодежь: она не может честным трудом заработать себе на интересную полнокровную жизнь. Это же молодые ребята. Им нужно красиво одеться, нужна квартира, машина, дача. Им нужны деньги, чтобы построить семью, свить гнездо. Мы же вырождаемся как нация, потому что у молодых нет денег, чтобы заводить детей. Дети стали дорогим удовольствием.

У нас на комплексе средний возраст работающих — 35 лет. Работают как черти, зато и зарабатывают хорошо. Около тысячи рублей в месяц, за год и машину купить могут. Больные обретают зрение, цена операции на четверть ниже, чем в стране. Мои ребята распрямляются, женятся, рожают детей, имеют возможность нормально их воспитывать. Всем хорошо! Кому плохо? Бюрократии: ах, почему ваши офтальмологи так хорошо живут?

Многие люди в науке, по моим наблюдениям, после 40—45 лет уже с трудом осваивают, а тем более генерируют новое, после 50 — это почти уже невозможно. Люди привыкают к своим стереотипам, к своему образу жизни. Новое ломает старые привычки. Это раздражает людей, и они готовы бороться, на баррикаду пойти, лишь бы сохранить то, к чему привыкли. Я думаю, только один человек из десяти в возрасте способен меняться, работать и жить по-новому.

Сложность перестройки в том, что всей экономикой у нас в стране ведают в основном пожилые люди. Все директора крупных заводов — люди от 50 до 60 лет. Не говорю уже о министрах. Разве эти люди способны поломать любимый и нужный им стереотип? Да никогда! И это одно из главных препятствий — нежелание менять свое поведение тех боссов партийно-хозяйственного актива, которые в общем-то и руководят экономикой страны и распоряжаются нашим общим народным имуществом.

Мы отдали это имущество в руки пожилых, а то и просто очень старых людей. Нас к нему не допускают, не дают возможности делать на нем новые и хорошие вещи, не дают быстро контактировать друг с другом, разламывать эти искусственные перегородки между одним министерством и другим, между потребителем и изготовителем. Мы теряем связи, мы не нужны друг другу. Это у нас в МНТК «Микрохирургия глаза» мы интересны и необходимы друг другу, потому что зависим именно от себя самих. А ведь в других клиниках и институтах каждый врач или сестра зависят от начальника отделения, тот — от директора и т. д. Все отношения идут по вертикали. Вся экономическая выгода рождается из отношений «начальник — подчиненный».

— У вас в МНТК теперь все иначе!

— С полным основанием я отношу успехи нашего коллектива к плодам начавшейся перестройки. То, чего мы достигли уже сейчас, было бы невозможно каких-нибудь четыре-пять лет назад. Тогда экономические и идеологические догмы еще цепко держали в паутине всю страну.

Обновление, начавшееся с апреля 1985 года, расчищает путь к истинному, демократическому социализму. Его принцип прост и ясен: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Мы только сейчас на деле доказываем справедливость мысли Маркса о том, что истинно коллективное владение орудиями производства оказывается намного более эффективным, чем владение орудиями производства одним, даже гениальным менеджером, но с армией наемников. Долгие десятилетия в нашей стране эту мысль искажали и извращали как только могли.

Наш опыт доказывает, что перестройка — дело вполне реальное, оно нам по силам. Ее можно совершить за несколько лет, если за дело возьмутся все трудящиеся, которые получат в свое полное распоряжение орудия производства, может быть в виде аренды. Самое важное для успеха — это раскрепощение человека, создание всех условий для его профессионального роста, интенсивного труда и полноценного отдыха.

— Значит, путь к демократии лежит через экономику! Раскрепощение человека и общества появляется на основе демократизации экономики, самоуправления!

— Да, по моему глубокому убеждению, свобода человека начинается на экономическом уровне. Основное и незыблемое условие ее, которое у нас раньше повсеместно нарушалось,— это возможность хорошо работать и получать за это соответствующую плату. Социализму как воздух нужны реальные, а не мнимые хозяева собственности и настоящий рынок. Только он может привести к успеху умелых и добросовестных людей и показать, чего стоят бездари и бездельники.

У нас в МНТК реальными владельцами собственности государства стали сами сотрудники. Все, начиная от дворника, подметающего дорожки под окнами, до меня, генерального директора. Мы взяли институт, со всеми его операционными блоками и лабораториями, стационаром и поликлиникой, экспериментально-техническое производство и все прочее в аренду на 30 лет. И выплачиваем государству в бюджет ежегодно арендную плату в размере трех процентов стоимости основных фондов. Для этого каждый внес свой пай. Естественно, сразу пришла идея создавать не только большой доход, но и чистую прибыль. В конце года коллектив-арендатор сам решает, куда ее направить. При большой прибыли часть ее вносим в фонд долевого участия. Это означает, что все получают дивиденды.

Только за первые полгода аренды отложили в фонд долевого участия 2 миллиона рублей. И каждый сотрудник получил сумму втрое больше его первоначального вклада. Создали фонд социальной защиты, куда перечисляем часть прибыли. Идет солидная надбавка к государственной пенсии. Уходит женщина в декретный отпуск — и ей кроме государственного пособия выплачивается приличная сумма, пока малыш не достигнет полуторагодовалого возраста. Сотрудники пользуются бесплатными обедами. Вдвое больше, чем в других медицинских учреждениях, выделяем денег на питание больных.

Так мы стали хозяевами своего дела. Все, каждый работник, а не только администрация, стали стремиться к получению максимальной прибыли. А в медицине это возможно только при том условии, когда

повышается качество лечения: ведь пациент не уходит от нас больным, если уж мы взялись за его лечение. Число осложнений после операций резко сократилось.

Как известно, в Советском Союзе государство оплачивает лечение каждого больного. Чтобы эти средства попали именно к нам, с самого начала мы решили добиться, чтобы стоимость лечения в МНТК была заметно ниже, чем в других глазных клиниках,— примерно на четверть. Так и получилось. И тем не менее наши врачи зарабатывают в 3—5 раз больше других офтальмологов. Вот что дает экономика, основанная на здравом смысле.

— Могут ли так же интенсивно и с высоким качеством, как ваш, работать другие научные и медицинские коллективы!

— Конечно, если всерьез захотят этого. И дело вовсе не в оснащении институтов, клиник или больниц передовым импортным оборудованием и медикаментами, как у нас. Все это мы зарабатываем сами, до последнего доллара, ничего не берем у государства, наоборот, только пополняем его валютную казну. Главное, я считаю, делать свое дело на самом высоком уровне, предъявлять друг другу жесткие требования. Там, где немножко соврал, схалтурил, «схимичил», потом обязательно начинается разложение. Ничто не может служить оправданием плохой работы, как музыканту не простят слабой игры, если у него «по объективным причинам» не были натянуты струны или сломался смычок.

На мой взгляд, сейчас в стране созрели условия для повсеместного перехода на аренду. Пусть не идеальные, но работать так, как мы, можно. Почему же не работают? Почему мы бежим одни, как штурмовой батальон, а все остальные отсиживаются в окопах и ждут: как там, шлепнут Федорова или нет? Окружат? Погиб? Пожилые боссы нашей экономики не хотят рисковать. Зарплата у них достаточно высокая, чтобы не думать о куске хлеба. Зачем им делать, как я?

Примерно год, пока мы осваивали метод коллективного подряда, я не начислял себе больше оклада. Получал в 2 раза меньше, чем мог. Это чтобы бюрократы не подняли крик: Федоров под себя гребет! Потом понял: это же только на руку тем, кто отсиживается в окопах. Наши магнаты дрогнут, когда поймут, что можно зарабатывать значительно больше, чем они сейчас получают. И стал я получать, как и положено по условиям аренды. Теперь мой заработок — около 1800 рублей в месяц. Когда дойду до 2 тысяч, может быть, «окопники» поймут, что аренда дает много не только рядовым, но и начальству.

Другого метода убеждения я не вижу. Потому что в наших условиях пока делается не то, что выгодно рядовым работникам, а то, что выгодно начальникам. Так происходит в любой иерархической системе.

Сейчас я вместе с единомышленниками вывожу наш комплекс, наш коллектив из утопического социализма в реальный. Но в нем пользуются благами не избранные, не по уровню должности, а все, кто работает как следует. Почему это возможно? Потому, что мы сами владеем орудиями производства, доходами, прибылью, сами ее распределяем, «откупились» от чиновников благодаря аренде. Мы вкладываем свои деньги туда, куда решаем сами, а не кто-то это делает за нас.

— В печати были сообщения о том, что ваш МНТК теперь осваивает «новую профессию» — взялся и за сельскохозяйственное производство!

— Речь идет о нашем подсобном хозяйстве. Сейчас мы поднимаем на ноги ферму в селе Протасове под Москвой, которую арендо-

вали у совхоза «Менжинец». Я подумал: почему не попробовать нашу систему, по которой живет и процветает наш МНТК — платить за труд те деньги, которые он и стоит,— на селе? Каждому по труду — этот принцип может делать чудеса везде. Но при условии, что никто не будет командовать «от сих и до сих» и не будет устанавливать «потолков». Мы в МНТК «питаемся» от вылеченного больного: вылечили — получили, больше вылечили — больше и получили. На этой ферме все будут «кормиться» от надоенного литра молока и выращенного килограмма мяса.

Надо на деле раскрепостить крестьян, и они смогут работать с интенсивностью в 3—5 раз выше, чем сейчас. И прекрасная наша русская земля может дать в 5 раз больше дохода, чем она дает сегодня. И в животноводстве, и в зерновом хозяйстве, и где угодно.

Мне говорят: в деревне грязь, там разучились работать, пьют. Я отвечаю: да, они привыкли к грязи, любят выпить. Но чем им там заняться? Когда мы взяли ферму в аренду, то собрали людей и объяснили: будете надаивать 4500 литров, как сейчас,— ваша зарплата 450 рублей, 6 тысяч литров молока — 650 рублей и так далее. За три недели после того разговора удой вышел на 1,5—2 тонны больше, чем раньше. Сейчас доярки надаивают почти в 2 раза больше, чем прежде, и получают 650—750 рублей. Мы хотим научить людей работать сначала в коллективе, потом построим им семейные фермы. Дадим фермерам по 25—30 коров, дадим для заготовки кормов поле в 60—70 гектаров. Семейная ферма может дать годовую прибыль 50 тысяч рублей: 15 тысяч в течение 15 лет они будут выплачивать за ферму, а 35 тысяч останется в семье. Построят себе крестьяне прекрасные дома с газом, гаражами, саунами, будут ездить на своих машинах в московские театры и музеи, когда захотят. И пьянствовать им будет недосуг.

Тогда даже многие из нас, медиков, выйдя на пенсию, рванут из задымленной и перенаселенной Москвы на чистый деревенский воздух, к березам и соснам. Город изжил себя как жилище человека. Если деревня будет кормить его лучше, чем город, и каждый при желании станет получать там полгектара-гектар земли — все мы согласимся ехать даже час на машине до места работы. А то и вертолет купим у американцев и будем летать.

— Развал в сельском хозяйстве имеет, наверное, в основе своей те же причины, что и стагнация в промышленности, застой в науке. В целом ряде направлений медицинской науки мы плетемся в хвосте. Почему, на ваш взгляд?

— Потому, что наши ученые никак не связаны с конечными результатами своей деятельности. Они живут от написанных статей, от отношений с начальством, друг с другом, но не от сделанного — от открытия, от новейшего технологического процесса. Академия наук и Академия медицинских наук держатся на обычных связях: ты — мне, я — тебе...

Для науки у нас сегодня практически нет рынка. Кому нужен ученый, открытия которого экономически никому не нужны? Министр, используя его открытие, ни копейки не получит, директор предприятия и рабочий — тоже. Только лишняя головная боль. У нас есть скорее научный антирынок, то есть система резкого сдерживания науки. Я ушел с последнего собрания академии. Шла одна болтовня: как работать лучше, хотя работать лучше невозможно, так как нет социального заказа, нет спроса на научные идеи, на оригинально мыслящего ученого.

У нас на комплексе этот спрос есть. Мы с удовольствием «покупали» бы классных ученых. Нужен, например, высококвалифицированный химик по силикону, чтобы разработать поверхности, которые не раздражали бы ткани. Согласились бы платить ему по 2 тысячи в месяц, только бы он добился, чтобы за год наши искусственные хрусталики стали полностью инертными. С помощью светлых умов нашли бы новые материалы, которые заменили некоторые части глаза, дали возможность заменить зрительный нерв. Создали бы искусственный глаз...

На Западе все просто. Если у тебя есть деньги — снимай трубку, приглашай со всего мира нужных тебе специалистов, арендуй помещения, заказывай оборудование и — раскручивай дело! Когда-нибудь и в Советском Союзе так будут работать. А сейчас пока только мы в МНТК создаем реальную модель научного центра и клиники, где персоналу интересно работать, а пациенты получают квалифицированную медицинскую помощь. Показываем всем: не боги горшки обжигают, обычные люди могут делать чудеса, если включить их в нормальные экономические отношения.

— Вы считаете, что это экономическая модель не только сугубо медицинского научного или лечебного учреждения, но она универсальна, годится для любой первичной ячейки нашей экономики?

— Формы могут быть разными, но суть-то одна. Маркс часто говорил Энгельсу, что возможен выкуп немецкими крестьянами земли у банды помещиков и свершение, таким образом, социальной революции. Сегодня у нас почти всеми орудиями производства распоряжаются бюрократы. Но разве может государство справляться с собственностью? Зачем бюрократу, не работая на этой собственности, ею владеть? Любой помещик всегда отдавал свою собственность в аренду или брал хорошего управляющего. Свободные люди платили за аренду помещику, пока он разучивал мазурку в Париже. Мы предлагаем то же: пусть бюрократы разучивают менуэты, и мы им будем платить 3—5 процентов, только чтоб не мешали. А остальное — налог государству. Но и эти деньги мы хотим контролировать, чтоб правительство их не забивало в дамбы поперек Кара-Богаз-Гола, «осушение» Арала или поворот северных рек.

Вот готовая модель завтрашней экономики. Интересная. Простая. С прямыми горизонтальными связями. Со стимулами для развития науки. Удобная для людей. Чего же еще выдумывать? Чего бояться?

Мешает неверие в свои силы, в рабочий класс, в крестьянство. В возможность жить в условиях социализма не бедно, а богато. Вбито во многие головы, что социализм — это уравниловка. Это идет еще от Сталина: если собственность принадлежит людям — она плоха, она должна быть ничьей. Все надо стащить в один двор, пусть ржавеет, но не будет чьей-то, даже коллективной. Вот и получилось: все то, что у нас в стране есть, никому не принадлежит.

Ученые-экономисты нас вниманием не балуют. Приходят иногда чаю попить или глаза показать... И чего ходят вокруг? Уверен, что наша экономическая модель успешно работала бы на любом производстве, где нет большой номенклатуры продукции, где можно увидеть или просчитать труд каждого. Это промышленные гиганты не в состоянии работать иначе, как на «рабовладельческих» тарифных ставках. Там трудно вычленить в подсчетах труд отдельного человека.

Обычно у нас директора сборочных предприятий криком кричат: меня никто в срок не снабжает! Дайте мне экономическую полицию! Дайте мне супер-Госплан, который заставил бы смежников снабжать меня комплектующими! Как же так? В любой стране стать

поставщиком выгодно, а у нас — нет. Значит, надо сделать это выгодным.

Я считаю, что истоки нравственности — в здоровой экономике и мораль рождается из справедливого обмена. Это начало всех начал. Перестройка пойдет гораздо быстрее, когда будет развязан этот гордиев узел нашей экономики.

— Вы можете одним словом назвать фактор, который решающим образом мог бы оздоровить нашу экономику?

— Рынок. Нормальный социалистический рынок, без которого ничего не будет, а с ним — все. Но будет ли он? Надеюсь на это. Народ жаждет перемен, свободы экономической, духовной и творческой. Не сомневаюсь, что он заставит правительство — а эта возможность у народа теперь есть благодаря своим депутатам — создать социалистический рынок, который объединит всех жителей страны, всех национальностей и народностей. Цементируют общество не лозунги и милиция, а экономические связи. Именно рынок разделит безликую массу на индивидуальности, научит ценить личность, разрушит иллюзию выделяемого государством счастья по карточкам, лимитам и фондам.

Сегодня многие люди, трудовые коллективы готовы работать по-настоящему. Но запреты, ограничения, постановления и инструкции, принятые аж в двадцатые — тридцатые годы, не дают. Да и не в бумагах дело, а в бюрократии: она панически боится утверждения нормальной самоуправляющейся экономики, ненавидит рыночные отношения. Ведь они вырывают у нее из рук все нити управления. А ей самой на рынке нечего продавать: нет ни таланта, ни умелых рук.

Но если таких, как наш МНТК, будет достаточно много, то мы сами найдем друг друга, будем поддерживать, торговать, договариваться, поднимем своими руками антибюрократическую экономику. Перестройка уже дает плоды: логика настоящей экономики, затрат, цифр, прибылей начинает срабатывать. Надеюсь, доживу до того времени, когда эта логика станет определяющей для всего нашего государственного хозяйства.

Валерий Романюк

ПОВИНУЯСЬ НЕ ТОЛЬКО РУБЛЮ

В том, что репутация кооперативов ныне не очень высока, мы привыкли винить «шашлычников», ароматы которых и поныне наполняют воздух московских окраин, либо шустрые торгово-посреднические кооперативы, заполнившие вакуум, возникший из-за неразворотливости госсектора. Перегнать дешевое госсырье в дорогие кооперативные изделия, безналичность в хрустящую наличность — не велика хитрость. Я же хочу рассказать о кооперативе, которого такой бизнес никак не устраивает.

Был в Москве завод низковольтной аппаратуры — предприятие, не очень крупное для столицы. Но и не маленькое: полторы тысячи человек, на 35 миллионов рублей товарной продукции в год. Входя в состав Минэлектротехпрома, за два десятка лет заработал для отрасли десятки миллионов рублей прибыли, а получил за это время из централизованных фондов министерства всего 1,5 миллиона. Жил небогато. Озабоченный своими глобальными проблемами, Минэлектротехпром и на перспективу не предполагал развития этого предприятия, имевшего к тому времени износ основных фондов на уровне 70%.

Вокруг кипела новая жизнь, а тут продолжалось прозябание. И коллектив восстал. Нет, не о забастовке речь. Отдав народному хозяйству все, завод сам сделался кандидатом в банкроты, промышленные инвалиды, так сказать, которых у государства тысячи. Но коллектив не смирился с этим и принял отчаянное решение: выйти из состава министерства, вообще уйти из госсектора, где ничто ему не светило, и преобразоваться в кооператив. То есть отчислять государству — по крайней мере первое время — все те же 3,3 миллиона рублей, что и завод, но сверхплановую прибыль полностью оставлять в своем распоряжении, а не делить, как прежде, по нормативам. Министерству инициатива оказалась очень кстати: доведя предприятие, что называется, до ручки, оно теперь могло ничего не вкладывать в развитие его производства. Зато брать по-прежнему. При остаточной стоимости вконец изношенных основных фондов в 3 миллиона рублей коллектив должен был платить и платил! В 1988 году — 1,3 миллиона, в 1989-м — 3,2, в 1990-м будет 3,5. А что оставалось самому коллективу? Выше сказано: вся сверхплановая прибыль.

По совести говоря, для министерства это невелика потеря. Держать завод не стали, выдвинули только кабальные условия выкупа основных фондов. Возможно, какой другой коллектив и дал бы обратный ход. А этот устоял: накипело!

Но всполошился союзный Минфин: прецедент показался опасным. А ну как «побегут» другие? Тогдашний министр финансов даже написал гневную записку в правительство по поводу «самоуправства» министра электротехнической промышленности, отсутствия каких-то согласующих виз. Но дело было сделано. Коллектив, полный решимости уйти от прозябания, проломил перегородку, разделяющую госсектор и кооперацию, и стал называться кооперативным предприятием «Московский завод НВА».

Думаю, неспроста в самом названии сохранилось слово «завод». Каждый раз, бывая здесь, проходя по старым, упорно обновляемым корпусам, ловлю себя на мысли: да кооператив ли это? Завод как завод, со своими заводскими проблемами. Вот записано в Законе о кооперации, что кооператив не должен выпускать нерентабельной продукции. А у НВА такая продукция есть. Каждый выпущенный фен «Аэлита» приносит 4 рубля убытка, а производится их в год 120 тысяч штук. Сейчас осваивается новая модель — с ионизатором, обеспечивающим дополнительный, целительный эффект. Цена та же. Значит, и убытки те же, если не больше. Убыточны приводы для швейных машин, которые выпускает Серпуховский филиал. Новая забота! Но снять их с производства — значит остановить цех на Подольском машзаводе.

Добавьте ко всем этим передрягам непомерную гонку цен на комплектующие изделия. Электрошнур для удлинителей прежде получали по 80 копеек за метр, теперь поставщики требуют 1 рубль 8 копеек. Динамная сталь вместо 45 копеек за килограмм обходится в 60. Кооператив сделал слабую попытку защититься от разорения: разослал потребителям письма с просьбой оплатить разницу, возникшую из-за подорожания комплектующих материалов. Наивный ход! Заказчики не пожелали платить дороже прейскурантной цены. Можно, конечно, уйти от государственных расценок и предъявить договорную цену. Но тогда налог автоматически поднимется с 25 до 35%. Вступить на этот путь —

значит включить ценовую спираль. Кооператив НВА не желает разорять потребителей. Хотя ведь можно и самому прогореть...

Председатель правления кооперативного предприятия Ю. С. Королев уверял меня при первой встрече, что кооператив подчиняется теперь только рублю. Больше никому! Таково было первое опьянение свободой. И уже за первые полгода самостоятельности коллектив заработал сверхплановой прибыли миллион рублей. Распорядился он этим миллионом так. 100 тысяч рублей перечислено в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении, 340 тысяч пошло на развитие производства, 300 тысяч — в фонд оплаты труда, остальное — в фонд соцкультбыта. Не забыты и разработчики из сферы науки — от них зависит конкурентоспособность продукции кооператива.

Самостоятельность — это еще и свобода от 112 форм отчетности, у кооператива она одна. Он сам формирует свой план, определяет стратегию. И легкой жизни не ищет. Напротив, если в 1988 году заводу был доведен план по объему производства в 35,2 миллиона рублей, то на 1989-й кооператоры сформировали его в объеме 44,2 миллиона. Такие вот найдены резервы в производстве, которое стало собственным не в декларациях, а по существу.

Юрий Сергеевич Королев, который много лет был директором завода, а теперь стал председателем правления кооперативного предприятия, сумел убедить людей в том, что их долговременные интересы совпадают с интересами государства, что и интересы потребителей коллектив никак не может отделить от своих собственных.

В принципе кооператив работает не в убыток себе. Сопоставим: первое полугодие 1988 года (еще завод) — прибыль 3,4 миллиона рублей; второе полугодие (уже кооператив) — доход 6,8 миллиона. В первом полугодии 1989 года доходы выросли до 7,8 миллиона рублей, хотя были серьезные проблемы со снабжением. Но самое поразительное в другом. В том, что бешеного роста фонда оплаты труда не последовало: средняя зарплата по кооперативу НВА и сегодня в пределах 320 рублей (прибавка в среднем на работающего составила 40—60 рублей в месяц). Я высказал свое недоумение главному экономисту А. М. Шишкареву: обычно кооператоры на простейшей продукции, получаемой из отходов, или даже на посредничестве имеют свои 500—800 рублей зарплаты в месяц.

— Такое возможно только там, где люди живут исключительно сегодняшним днем и не смотрят в завтрашний,— парирует Алексей Михайлович.— Мы на общем собрании коллектива решали, на какие цели направим доход. И решили: на техническое перевооружение, без чего нам просто не выжить. И никаких дискуссий не было: мы же — хозяева теперь, хозяева на деле, а не в порядке первомайского лозунга.

Недавно потребовалось укрепить службу главного конструктора, и приняли группу инженеров. Это потребовало определенных затрат. Но одновременно расторгли ряд договоров с научными учреждениями на разработку новой техники и сэкономили на этом полмиллиона рублей. Расчет простой: весь фонд зарплаты конструкторов — 250 тысяч рублей, а институтам приходилось платить 1,2 миллиона в год. Теперь же, когда наука на хозрасчете, цена на разработки еще более подскочила. Явно выгодней развивать собственный конструкторский отдел.

Но на все нужны деньги. Кооперативу НВА только под оборотные средства пришлось взять 6 миллионов банковского кредита. Полезным дополнением к нему стали 350 тысяч, которые высвободились за счет ускорения оборачиваемости оборотных средств. Экономятся средства за счет изменения внутрицехового планирования: цехам планируется

теперь не «товар», а доход. По-иному рассчитывается внутренняя цена: стоимость материалов плюс стоимость труда.

А как строятся взаимоотношения с внешним миром? Чтобы избежать всех мыслимых препон, городить которые так горазды наши ведомства, кооператоры обязались поставлять продукцию в соответствии с госзаказом — в тех же объемах и номенклатуре, что предусматривались и для завода низковольтной аппаратуры. И только по прейскурантным оптовым ценам. Министерство брало на себя поставку сырья, материалов, оборудования, необходимых для выполнения госзаказа. Забегая вперед, скажем, что Минэлектротехпром своих обязательств не выполняет — слишком въелось в сознание министерских работников чувство полной безнаказанности и безответственности по отношению к «низовому звену». Спросить с министерства — попробуй-ка, а вот выплаты в централизованные фонды никто корректировать не собирается.

Говорим с Королевым о министерстве, а разговор снова и снова переходит на понятие более широкое — государство.

— Если государство хочет всем владеть — пусть владеет,— говорит Юрий Сергеевич.— Пусть оставит нам одну заработную плату, а все остальное заберет в казну. Но тогда оно должно по первому требованию заменить устаревшие станки, дать нуждающимся жилье, построить клуб, бассейн и прочее. А раз ничего этого нет, тогда не надо посягать на наши права: сами как-нибудь решим свои проблемы.

Вижу во всем этом отголосок парламентских дебатов. Но законы рождаются неспешно, а кооперативу жить сегодня и завтра. Едва-едва расправив крылья, кооператив пошел на серьезный экономический риск, перекупив, вернее избавив от полного разорения Потийский завод электромашинных усилителей. К чему такая благотворительность? — спросит читатель. Не благотворительность это вовсе. Прочитав в «Известиях» сообщение о 13 предприятиях-банкротах (Потийский завод был назван в их числе), кооператоры приуныли: на грани банкротства один из основных поставщиков комплектующих изделий. Вот тогда и взяли новый кредит, а завод перекупили. Не в буквальном, конечно, смысле — превратили в филиал.

— Оправдана ли степень риска? — допытывался я у главного бухгалтера Аллы Дмитриевны Нарышкиной.

— Безусловно, риск,— говорит она.— Получили взамен долги потийцев, слабо оснащенное производство при низкой квалификации кадров. Но с точки зрения перспективы риск оправдан. Если удастся развить в Поти производство электродвигателей, необходимых для наших аппаратов, будем застрахованы от многих проблем, с которыми сталкиваемся сегодня.

Согласитесь, как-то не вяжется все это с представлением о кооперативе как о скромной лавочке, кующей в чаду свои легкие доходы. На что же идут доходы кооператива НВА? Еще не полностью выкуплены основные фонды, а надо обновляться, обновляться... Мы говорили, что за первые полгода кооператив заработал миллион. Но не перегнал, как водится, на зарплату. Не опустили руки и тогда, когда выяснилось, что надежды на Потийский завод себя не оправдали. Забастовочные страсти захватили и Поти (хотя филиалу кооператива вроде бы нечего требовать от госсектора).

— Мы надеялись найти с потийцами общий язык,— рассказывает Ю. С. Королев.— Перечислили им 100 тысяч рублей на жилищное строительство, оставили им право самостоятельно распоряжаться средствами. Взамен просили только одно — продукцию! Однако работа остановилась, местные власти предпочли не вмешиваться, словом... А я так

думаю: в своем доме бастовать нельзя. Не устраивает что-то — давайте вступим в диалог. Республиканский хозрасчет — это ведь не борьба удельных княжеств. Почему разбросанные по миру дочерние предприятия западных фирм нормально между собой уживаются, а нам обязательно надо враждовать? Думаю, межреспубликанские концерны могут успешно функционировать и у нас в стране. Ко взаимной выгоде всех входящих в него предприятий.

Ситуация складывалась сложная. Срывались поставки и других предприятий — металл, электродвигатели, кабельная продукция. И по всем расчетам кооператив НВА должен был обанкротиться. Но этого не случилось. Скажу больше. Не смутившись трудностями, которые выпали в связи с приобретением Потийского завода, он принял в свой состав еще один завод — Серпуховский электромеханический, требующий перепрофилирования и оснащения новой техникой. То, что в Серпухове нет своих конструкторов-разработчиков, еще полбеды. Но где взять оборудование, чем за него платить?

К этому времени в стране вовсю пошла в рост акционерная экономика. Вот и решили в кооперативе, пока на правлении: выпустить акции в Москве и Серпухове, мобилизовать для этого средства рабочих. Нужна кооперативу и валюта, поскольку, к примеру, термопластавтомат за рубли не купишь. На внешний же рынок идти пока не с чем. Вот и получается заколдованный круг. Однако я убедился: кооператоры знают, как этот круг разомкнуть.

В тот день, когда я приехал на НВА, руководители правления завершали переговоры с одной из итальянских фирм о создании совместного предприятия, на котором будут производиться микродвигатели. Миллион штук в год. Этого количества хватит и для комплектования своей продукции — миксеров, фенов, кофемолок, и для продажи на рынок останется. Кооператив НВА берет на себя строительство объекта, подготовку кадров рабочих, а итальянцы оснастят новые мощности прогрессивным оборудованием.

Уже сегодня НВА дает на рынок товаров — помимо продукции производственно-технического назначения — на 6 миллионов рублей в год, полностью покрывая свой фонд заработной платы. В перспективе ожидается рост, но при условии, если не возобладает налоговый пресс.

Вообще, вся эта разноголосица решений, касающихся налогообложения кооперативов, вызвала много волнений. Вышедший в феврале 1989 года Указ Президиума Верховного Совета СССР о подоходном налоге с кооперативов предоставлял местным Советам право устанавливать налоговые ставки. В Российской Федерации так воспользовались этим правом: для тех кооперативов, которые работают по госрасценкам, налог — 35%. В НВА подсчитали: сущее разорение! Коллектив либо лишался возможности развивать производство, либо вынужден был отказаться от решения социальных проблем, возвратиться к прежнему прозябанию. К счастью, в августе того же года появился союзный Закон о подоходном налоге с кооперативов, он-то и внес желанное уточнение: для тех, кто реализует свою продукцию по ценам не выше государственных, максимальные ставки налогов — 25% от дохода. Ну а 35% — во всех остальных случаях... В каких это «остальных»? Например, в тех, когда продукция реализуется по договорным ценам. Договорная цена — наиболее короткий путь к прибыльности. Но тут уж, как говорится, приходится выбирать: выше доход — выше налог.

В кооперативе НВА все именуются рабочими — и станочники, и инженеры, и работники сервисной службы (отдела главного механика). Заработок каждого, включая председателя правления, формируется от

той суммы, которая принята как средняя для рабочего. Будучи директором завода, Ю. С. Королев имел оклад 350 рублей, а вместе с прогрессивкой, «тринадцатой зарплатой» и нередкой прибавкой по разным статьям в размере до 2,6 оклада в год — вдвое больше. И теперь, если рабочий получит по расценкам 140 рублей, председатель правления имеет свои 350 рублей. Но если у рабочего выйдет на рубль меньше, то 0,35 оклада снимается и у председателя правления кооператива, и у всех, кто не обеспечил работу. Ну а получит рабочий по расценкам 150, то и у председателя правления кооператива оклад будет больше.

А вот как складывается заработная плата рабочего. Точка отсчета — трудодень, оцениваемый в 15 рублей (на участках с вредными условиями труда — 16). Он включает расценки и все виды прежде существовавших доплат. В день можно выработать — при весьма интенсивной работе — 1,2—1,3 трудодня, а то и больше. Начисляется заработок после сдачи комплектной продукции в сбыт или смежный цех. Но если комплекта нет или нарушены сроки отгрузки, оплата производится только по расценкам, что почти вдвое дешевле. Это, естественно, настраивает рабочие бригады на строгий ритм, жесткий взаимоконтроль на производстве, концентрацию усилий на сдачу комплекта.

Такой же принцип заложен при формировании заработка инженерно-технических работников. Оклады у инженеров в кооперативе НВА довольно высокие — 350 рублей и выше. Но это не нижняя база, а скорее верхняя. Чтобы сохранить этот заработок, технолог или мастер должен безукоризненно выполнять свои должностные обязанности. В принципе трудодень суммирует все существовавшие прежде на заводе выплаты, но не как безличные добавки, а как заработанные рубли.

С начала года до сентября коллектив накопил на лицевом счете 2 тысячи рублей экономии. Часть — по фонду оплаты труда (обходились с меньшей численностью), часть, представьте,— защищая свои экономические интересы. Наконец-то создан механизм взаимной хозрасчетной ответственности! Вот простояло по вине электромеханического отдела оборудование на одном участке. Задание выполнено, но наверстывать пришлось за счет более интенсивного труда. Будничный в общем-то факт. Но он не оставлен без внимания. В. И. Буленкова оформила претензию, и арбитражная комиссия подтвердила ее правомерность. Из фонда зарплаты отдела в цеховой фонд переведено 46 рублей. Недавно и сам 33-й цех расплачивался по предъявленной ему претензии. Сразу группе цехов выставил претензию отдел сбыта. Общая сумма ущерба — 87 рублей, на заготовительно-сборочный цех пришлась только десятая часть этой суммы.

— Восемь семьдесят — смешно говорить! — пытаюсь свести на шутку.

— Не скажите,— возражает Валентина Игнатьевна.— Из чьей-то зарплаты я должна эти деньги удержать. Для конкретного виновника — ощутимо.

Давно замечено — обретение собственности дает взрывной эффект. Кооператив говорит работнику: бери, это твое, владей. Валентина Игнатьевна показала синюю чековую книжку, пользоваться которой и сама-то еще учится. А книжка ценная: позволяет торговать продукцией внутри завода.

Один из создателей чековой системы — одесский экономист Н. Ворожбит, с которым мы встретились здесь же, на НВА. В свое время он безуспешно пытался внедрить ее в Одесском станкостроительном объединении. Не вышло. А вот столичный кооператив заинтересовался этой системой и внедрил ее у себя. С помощью внедренческого коопе-

ратива, который возглавляет тот же Ворожбит. Теперь именно чековая система взаиморасчетов между цехами определяет их внутреннюю финансовую взаимозависимость. Причем если на первом этапе через чеки учитывались только затраты труда, теперь включены расходы на материалы, начали обсчитываться накладные расходы. Цех заинтересован не только сберегать материалы, но и сокращать численность подсобных рабочих и по возможности собственными силами вести мелкий ремонт станков — за ремонтные услуги приходится платить.

Теперь никого не надо призывать беречь материалы: запорол заготовку — придется покупать у снабженцев новую, на кровные цеховые денежки. Простояли лишние часы машины в ожидании груза — цеху это обошлось в 160 рублей. Урок, как говорится, впрок.

Кооператив НВА давно распустил госприемку как лишнее звено, а за качество кооператоры как боролись, так и теперь борются, потому что для них некачественная продукция — это, прежде всего, потеря рынка, доброго имени, убытки, которых никто не возместит. А кто же теперь на страже качества? Никого! Качество контролирует... рубль. В том числе и во взаимоотношениях между цехами. Если отправил смежнику брак, претензия должна быть устранена в течение суток. Цех-потребитель может и сам исправить брак, но при этом выставит счет бракоделу. Может случиться и так, что к концу месяца кое-кому и получать-то в кассе будет нечего.

Члены кооператива имеют определенные преимущества материального порядка по отношению к остальному коллективу. Помимо 20% дивидендов на вложенный пай они делят между собой большую часть дохода, остающуюся после всех выплат. Вот выписка из протокола собрания членов кооператива цеха № 32. На нем внесено предложение: делить между членами кооператива четыре пятых цехового дохода и лишь пятую часть делить между теми, кто работает по найму. Спрашиваю Королева: как он относится к этому предложению? Юрий Сергеевич говорит, что поддерживает его. Но считает, что надо всех вовлекать в кооператив, безо всяких ограничений. Забегая вперед, скажем, что по договору работают сегодня в кооперативе прежде всего нарушители дисциплины — с ними заключается соглашение на полгода-год. Остались и те еще, кто не принял окончательного решения.

Еще несколько слов о финансовых делах кооператоров. С увеличением числа членов кооператива НВА растет общий паевый взнос, да к нему еще приращиваются дивиденды. На что тратятся эти суммы? Прежде всего, на выдачу ссуд членам кооператива, связанных со строительством садовых домиков или покупкой мебели. Еще как страховой фонд — на покрытие возможных убытков. А они уже появились — в связи с посылкой людей на сельхозработы. Кстати, в этот фонд ежегодно перечисляется 2% дохода. Так сказать, «карманные деньги» кооператива.

Еще новинка: районное отделение Сбербанка открыло в кооперативе НВА свой филиал. Оговорив условие, что 80% вкладов будет храниться на счетах предприятия, правление НВА получило еще один источник для финансирования разных нужд. Рабочие охотно вкладывают деньги в «свой» банк, поскольку здесь они имеют 6% годовых — вместо обычных двух-трех.

Мы привыкли считать: возник кооператив — половину управленческого персонала долой. На НВА начиналось так же: за первый год численность инженерно-технического персонала сократилась на 75 человек. Девять человек высвободилось только в результате слияния планово-экономического отдела с отделом труда и зарплаты. Теперь пошел

обратный процесс: набирают конструкторов — мы об этом уже говорили. Нужны новые люди и свежие идеи, чтобы выжить в конкурентной борьбе с госсектором, надо каждые два-три года обновлять продукцию.

Институт международного рабочего движения АН СССР провел недавно социологическое исследование, взяв для сравнения госпредприятие и кооператив НВА. В целом социальная активность кооператоров оказалась на 30% выше, чем у заводчан. Активно участвуют в решении производственных вопросов 38% кооператоров и только 28% рабочих госпредприятия. Аналогичное соотношение в оценке стиля и методов руководства: среди кооператоров 21% отметили улучшение стиля руководства, среди рабочих госпредприятия — только 14.

Встать в строй цивилизованных кооператоров хотят сегодня многие. Только от продажи комплектов документации по переходу в кооперацию НВА имеет 50 тысяч рублей прибыли. Многие, кто приезжает познакомиться с работой кооперативного предприятия, жалуются на министерства, которые всячески препятствуют выходу коллективов из госсектора. «Чего боятся? — пожимает плечами Королев.— Домой станки все равно не унесут».

Я спросил его, не собирается ли вступить в Союз кооператоров СССР. «Нет нужды,— коротко ответил Юрий Сергеевич.— Кооператив сам способен защитить свои интересы, да и председатель его, между прочим,— член бюро Тимирязевского райкома партии, депутат райсовета. А вступишь в ассоциацию — неизбежно подчинишь свои интересы кому-то еще. Той же ассоциации подай аппарат управления, который скоро пожелает «проводить единую политику», возьмет на себя «юридическую защиту» и централизованное снабжение, а значит, и возможность диктовать, кому и что производить.

— Я борюсь за клиента, ищу пути к прибыльности,— поясняет председатель правления кооператива,— но, как только увижу, что без ассоциации не могу решить какой-то вопрос, буду считать, что дело загроблено.

Попытки «прижать» кооперацию время от времени предпринимаются довольно жесткие. Много тут эмоций и непонимания самой сути кооперативного движения. Разве же кооперация не выявила явных своих преимуществ перед госсектором — гибкость производственной структуры, активный интерес к результатам труда? На этом фоне апатия и неконкурентоспособность госсектора, жесткая регламентация его деятельности становятся еще заметней. Вот уже приняты и поправки к Закону о кооперации, а сколько еще потребуется времени, чтобы переломить негативное отношение к кооперативам и в общественном мнении, и тем более в ведомствах. Весь горький юмор ситуации в том, что, ослабляя кооператоров, замораживая их доходы, государство не становится богаче: излишки перекачиваются в бюджет, а затем идут на поддержание убыточных госпредприятий. Не выбери НВА кооперативный путь, наверняка попал бы в число тех, кто без финансовых инъекций уже не в состоянии обходиться.

Таков он, кооператив-завод. И вспоминается — не совсем кстати! — недавний митинг в Лужниках, на котором кооператоров предали анафеме. «Долой кооператоров-миллионеров!» — гласил один из плакатов. Еще их называли буржуями, залезшими по локоть в карман трудового человека. Кооператив НВА таких обвинений на свой счет принять не может. Ему и ему подобным — заново утверждать добрую репутацию советской кооперации, вступать на равных в состязание с государственным сектором экономики.

Анатолий Стреляный

«РАСКУЛАЧИВАТЬ ГАДОВ!»

Из цикла «Мирное лето 1989-го»

Недовольство кооператорами докатывается, замечаю, и до деревни, хотя следовало бы, наверное, помнить, что происхождение той злобы, которой охвачен город,— исторически деревенское. Оттуда, из деревни, больше ведь неоткуда, всегда приходили настроения уравниловки.

Злоба на кооператоров соединяется со злобой на удачливых арендаторов и фермеров. В отличие от правительственных чиновников деревня не мудрит, не изобретает, как бы удавить их незаметно, с соблюдением приличий. Она решает прямо, просто, как 60 лет назад:

— Раскулачивать гадов!

Говорим об этом в поле, возле сломавшегося комбайна, окруженного, как и положено при колхозной жизни, целой толпой. Это меня всегда забавляло и даже казалось загадочным. Пока он ползет себе, ревя и дымя, отравляя, по возможности, все живое вокруг себя (я имею в виду трактор, комбайн или что-нибудь непонятное, громоздкое, тяжелое, сконструированное в каком-нибудь занюханном КБ в перерывах между политзанятиями и собраниями и, в перерывах между «картошкой», кое-как склепанное ударниками комтруда в Гомеле или Владимире),— вокруг ни души. Но как только изделие заглохло, угомонилось, перестало корежить землю и загаживать воздух, возле него откуда ни возьмись собирается толпа, поднимается суета и галдеж, в котором выделяется один уверенный голос — какой-нибудь местной или уполномоченной шляпы, голос, от которого мало что меняется, но суматоха приобретает вид какой-то целенаправленной деятельности.

Так и сейчас: с комбайном толпа разобраться не может, зато с кооператором и частником, стоит только кому-то о них вспомнить в связи с отсутствием сальника, разбирается мгновенно. Все отобрать, все запретить.

— Да что вы, мужики! — говорю я.

Стоит хорошая погода, мирно пахнет пшеничное поле, по валкам ходят аисты, доверчиво приближаясь к людям... Двадцатый век кончается, а тут — как будто не было промежутка в 60 лет — черные свирепые лица, дурные бесшабашные глаза.

— Да что вы, мужики? Ничто вас, что ли, не учит? Ведь оттого, что столько раскулачивали — и в пятом, и в семнадцатом, и в тридцатом,— оттого и живем не по-людски, миру на смех: рожи нечем умывать в восемьдесят девятом году!

Один, вытирая соломой замасленные руки, гогочет:

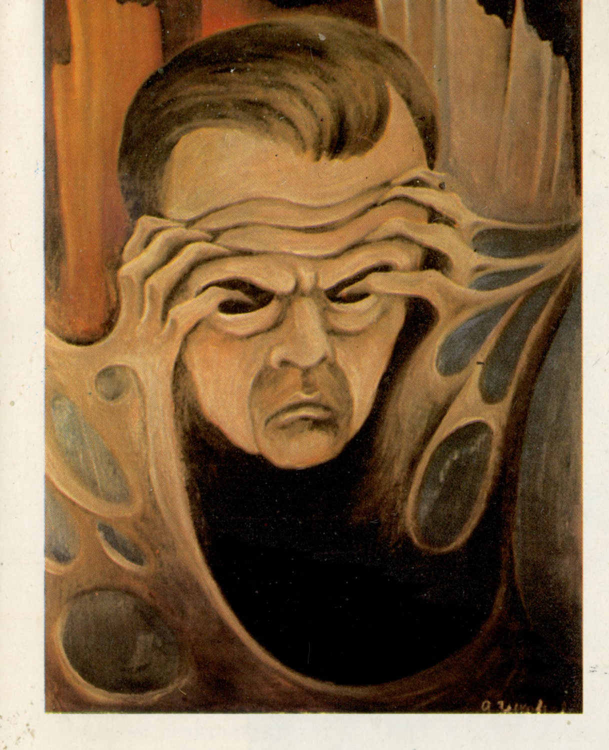
— Да, разбираться не будем. У кого есть дубленка, того и прибьем. Нет дубленки — тоже прибьем.

Другой, взглянув на этого и словно впервые его рассмотрев, говорит:

— Желающие раскулачивать всегда есть. Это в любое время и в любом народе. Дело за властью: дает она добро или в узде нас держит.

Они начинают спорить о нынешней власти. Что она в конце концов разрешит, на чем остановится, что скомандует: «Грабь награбленное!»

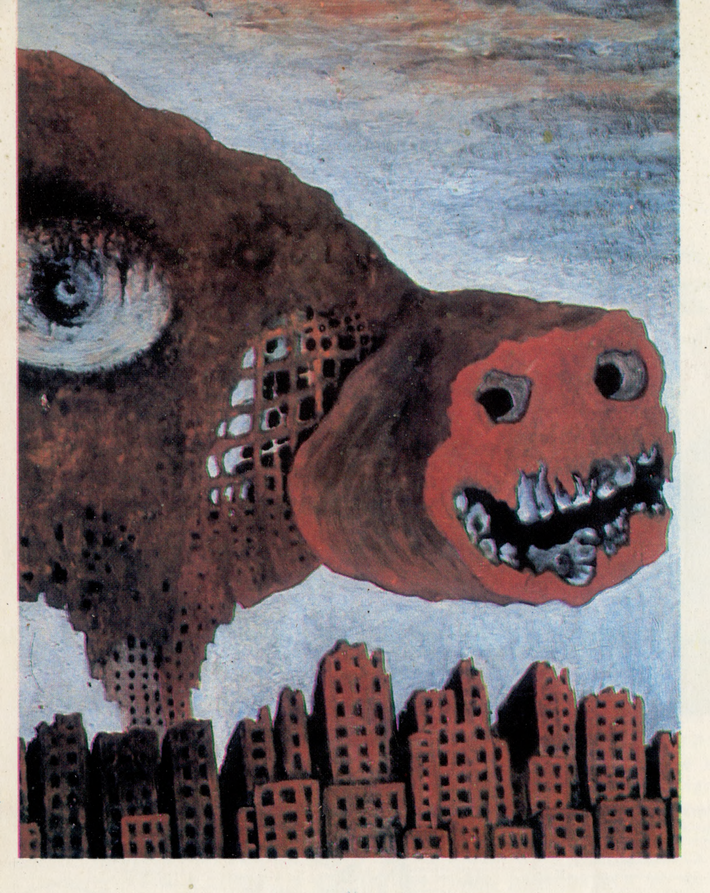
АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

АВТОПОРТРЕТ. 1980-е годы

ХРУЩЕВСКИЙ УРОЖАЙ

ДУХ ГОРОДА.
До 1976 года

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ.
1982

или «Обогащайтесь!»? С определенностью никто сказать не может, потому что она и сама своих намерений толком, кажется, не знает. Но среди того, о чем сейчас, с ее позволения или попустительства, стало можно писать без оглядки на казенное мнение — деятельность Столыпина: как мудро и напористо он действовал в отношении сельского хозяйства, как хотел преобразовать и облагородить Россию, сделав ее фермерской. Он действительно лучше всех в России понял, что беда — в нашем общинном коллективизме, в уравниловке.

Личное выше общего, личное способнее, продуктивнее — толпа не может быть хозяином. Проклинаемый со всех сторон — и Львом Толстым, и Владимиром Лениным, ожесточаясь, подчас зверея от предчувствия, что может не успеть, он вел страну к такому сельскому хозяйству, которое только и могло бы когда-нибудь на равных состязаться с американским. Он хотел, чтоб сошел со сцены крестьянин-общинник и утвердился свободный земледелец-купец. Это должно было произойти, по замыслу великого преобразователя, к 1930 году, именно к этому времени должен был завершиться переход всей земли в частные руки.

Но Столыпин не только преобразовывал Россию, о чем сейчас охотно пишут, одновременно он ее усмирял. Об этом писать не запрещено, до недавнего времени только об этом и можно было писать. Нынешние же друзья Столыпина молчат об этом по своей воле, чтобы не падала тень на их героя. Одна брехня сменяется другой. А ведь именно сейчас обе правды о Столыпине нужны как никогда. И та правда, что он хотел утвердить на земле могучего и цивилизованного частника, и та, что одновременно с этим и для этого он усмирял страну, подавляя в ней все, что было враждебно его взглядам. Лев Толстой не мог говорить о политике Столыпина без содрогания. Не проходило дня, чтобы в газетах не печатались списки казненных крестьян и рабочих, разночинцев и дворян. За что их казнили? За то, что посягали на чужую собственность, на порядки, охранявшие собственность. Трагедия нашего великого перестройщика в том, что он должен был заниматься и этим делом.

Не удалось усмирить Россию — не удалось и все остальное. К тридцатому году произошло обратное тому, что замышлялось. Установилось новое, удесятеренное крепостничество. У писателя Серафимовича в одном романе о юности русского капитализма (это конец девятнадцатого века) есть интересный разговор предпринимателя с революционно настроенным интеллигентом. Предприниматель — малограмотный, хищный, талантливый в своем деле человек говорит ему о себе и о рабочем классе: ты к нам не лезь, два в драку, третий не мешайся; хозяин и работник, мы оба навечно прикованы к одной тачке и торгуемся, тягаемся, ненавидим друг друга, это наша судьба, наше назначение в жизни.

К семнадцатому году они, эти двое, не успели приладиться к своей тачке как следует... Не успели притереться друг к другу, притерпеться — и тачка покатилась под откос, все подминая под себя, все давя и уродуя — и катится до сих пор. Не удалось вовремя умерить заряд зависти по одну сторону тачки и жадности — по другую, и теперь, похоже, снова начинает вырисовываться, подниматься во весь свой величественный и угрожающий рост та же задача. Невыполненные исторические дела никуда не деваются, они только откладываются, иногда очень надолго, но редко — навсегда. Прерванный путь постоянно напоминает о себе, тревожит и манит, требует продолжения. Та же задача: менять страну, одновременно ее усмиряя. Изменять, чтобы могла усмириться, и усмирять, чтобы могла измениться. Утвердить частную собственность и за-

щитить ее. Вот новая роль власти, новое дело для матроса с маузером. В свое время он был приставлен к бессмысленному делу разграбления, как тогда говорилось, награбленного, теперь его надо приставить к нарождающейся собственности ее охранником... Ведь как налетели на нее! Как воронье: тут и вымогатель-уголовник, и вымогатель-чиновник, и высокоидейный дурачок, и вельможа, которому нестерпимо, что кто-то, кроме него, может зажить так же припеваючи, как он, заиметь лимузин не меньше «членовоза», послать сына или дочку в Оксфорд.

Так вдруг сошлось, что смотришь и с оторопью видишь: никакая это еще не история — времена коллективизации и даже революции, все это до сих пор в сегодняшнем дне, точка не поставлена, выбор, оказывается, еще не сделан, опять надо решать, как жить — как свободные люди или как голодное, злое стадо с несмолкаемым свистом бича в руках пастуха, которого из-за опущенных голов никто толком не видит и не знает.

Кажется, уже почти не осталось людей, ясно, отчетливо помнящих год великого перелома, но нет — те страсти еще тлеют, как угли, под белым пеплом времени. Подует ветер — и они способны вспыхнуть неожиданно ярким, взрывным пламенем, обжечь того, кто поблизости. В большой станице на стыке Ставропольского и Краснодарского краев у меня был этим летом примечательный разговор с колхозным председателем. Мы были вдвоем, сидели в уцелевшем кулацком доме, где теперь кладовая с секретной комнатой, там можно выпить и закусить, и никто из чужих искать председателя не будет, потому что это в самом центре станицы. Председатель этот родом с Украины, женился здесь на казачке. С женой жил хорошо, а отношения с тещей были сложные, особенно после того, как вышел в начальники. Теща не любила начальников. Перед смертью эта старая казачка вспомнила гражданскую войну и коллективизацию, то, что творили тогда красные, и сказала ему такие слова:

— Вам никогда бы нас не победить. Нам просто надоело.

Это было всего четыре года назад. От этих слов у него открылись глаза, стало душно и тошно: подкатило свое, свои недоумения и обиды, копившиеся годами. Он задумался о своем колхозном, хоть и председательском, бесправии, осознал свои унижения, вызовы на бюро, громы и молнии по поводу планов и заданий — основных, дополнительных, особых, встречных... Ему открылась вся противоестественность его успешной председательской жизни, хоть и Герой Труда и депутат — все при нем.

— Я подумал, ну, не приглашает же мэр какого-нибудь американского района к себе на ковер фермера и не спрашивает его: почему тот работает так, а не лучше!

Старая казачка, через всю жизнь пронесшая непримиримое презрение к голодранцам, к их идее всех поравнять, согнав в кучу, помогла ему задуматься: на кой, собственно, черт он нужен, колхоз, даже такой богатый, как у него? Он прикинул с карандашом в руке и увидел, что даже этот передовой колхоз не так уж далеко продвинулся по сравнению с хозяйством станицы, каким оно было в канун революции.

— Смотрите, что получается,— делился он со мной своими, ошеломившими его самого, выкладками.— В колхозе три тысячи коров, тысяча быков. Тогда на этой территории было две тысячи дворов, в каждом две-три коровы, две пары быков, лошади... Где же наш прогресс, мать его? Может быть, в полеводстве? Но разве казак и по сей день на конях пахал бы?

Он выпил и стукнул по столу пустым стаканом:

— Эх мы, русские!

Александр Исаевич Солженицын давно уже возражает тем историкам и литераторам, которые считают повинным в нашем социализме исключительно русский народ, русскую мысль, русскую натуру, как будто и впрямь во всякой заразе виноват тот и только тот, кто заразился, кто страдает. С ним хочется соглашаться, тем более что как проверить, кто прав?

А вот сами русские между тем восклицают с горькой самокритикой в прерывающемся голосе: «Эх мы, русские!» Сколько ни приходилось мне слушать умных простых людей о том, откуда взялась на нашу голову эта чума, они никогда не сводят все к марксизму-ленинизму-сталинизму-хрущевизму-брежневизму...

(Я дошел до этого места в перечислении и вспомнил сценку в одном селе. Идет по улице старая женщина, прямая, важная, со свежим лицом, если так можно сказать о лице старой женщины, но оно действительно свежее — от ума, добродушия и внутреннего покоя, я приближаюсь к ней, иду рядом, за спиной у меня — киношники с включенной камерой.

— Что вы думаете о Сталине?

— Бандит,— говорит она, не поворачивая ко мне головы, спокойно, буднично, как о своем бригадире.

— О Хрущеве? Брежневе?

— Два дурака. Случайные люди.

— О Горбачеве?

Она, так же глядя прямо перед собой, не меняя спокойного голоса:

— Я говорю о мертвых, а этот живой.)

...Нет, русские всегда говорят о натуре народа, о своей натуре, о том, что называется национальным характером. Русские грешат на свой характер, украинцы — на свой, белорусы — на свой. Все — на свой. Только покоренные да присоединенные грешат на других, то есть опять же на русских, понимая под ними и украинцев и белорусов.

Вот и на этот раз председатель-украинец в казацкой станице, которая сдалась большевикам, потому что ей надоело воевать, не просто воскликнул: «Эх мы, русские», а расшифровал свое восклицание и расшифровал все на тот же русский, украинский, белорусский манер:

— Завидуем друг другу — вот что нас губит. У черкесов говорят: Марат живет плохо — давайте поможем ему, чтобы жил лучше. А у нас не так, Иван, говорят, хорошо живет — давайте его спалим или посадим!

...Утром я пошел по станице, искал уцелевшие дома раскулаченных, расспрашивал соседей, что за люди были эти несчастные. Все, как и всюду, ничего не переменилось за те тридцать лет, что я езжу по селам. Первое, что говорят о раскулаченных,— что никаким кулаком он не был и потому пострадал, мол, несправедливо. Первое, что говорят,— вот это. А сплошь и рядом это бывает и последним, что говорят. Не в том, значит, вина советской или как ее назвать власти, что она грабила людей и разрушала их хозяйство, а в том, что грабила недостаточно богатых, разрушала недостаточно крепкое хозяйство... Главное — доказать, что раскулачивали не настоящего кулака. А настоящего, значит, можно? Не грешно? Не вредно для страны? Как же она живуча, эта босяцкая идейность, этот позыв к грабительству! Он как свернутая до поры до времени змея: того и гляди проснется, развернется, ужалит человека в самое нутро — и пойдет он, как безумный, хватать, жечь чужое, рушить чужое.

Иногда все-таки кажется, что жизнь медленно, как бы самой себе не веря, начинает возвращаться в русло, из которого ее вышибло по неисповедимому, но — видит Бог, видишь, Боже! — жестокому замыслу. Уже случается, что собственность, скорее намек на собственность, мечта о ней может поднять человека, послужить ему прибежищем в неудаче, в поражении на другом поприще. У меня была встреча с этой точки зрения просто удивительная! В одном колхозе парторг съел председателя. Председатель был молодой, моложе сорока, приезжий человек, настроенный работать, никому не платить дурных денег, горячий, непримиримый. Парторг — из местных, из бывших председателей, укорененный в многочисленной родне. Сговорились, подвели, подловили парня — свергли. Райком его защищать не стал. Райкомы далеко не всегда защищают своих выдвиженцев, тут не имеют значения ни вины, ни заслуги, ни права, ни приличия — действует голый политический расчет, могут заслонить последнего мерзавца и отдать на расправу первого праведника. Этого парня отдали. И что же он? Пошел жаловаться? Кинулся искать какую-нибудь придурочную должность, лишь бы остаться в номенклатуре? Нет, новая обстановка подсказала ему другой выход. Отпасть от этого корыта совсем и насовсем! Он остался в селе и стал добиваться земли и собственности: решил стать фермером, как человек, чтобы ни одна собака на него не могла гавкнуть.

Эта история показалась мне очень значительной. Человек стал искать убежище в собственности, в ней решил спастись от произвола — от произвола не только власти, не просто власти, но от произвола толпы.

Буду следить, чем завершится эта история. Давать землю парню не хотят соседи, бывшие его товарищи партийцы быстро смекнули, что он будет с нее иметь. Сочли его будущие доходы и преимущества и главное из них — что он ни от кого не будет зависеть, что его им будет не достать. Толпа неспокойна, толпа рычит, толпе нужно по-прежнему то, что только и нужно толпе: чтобы всякий был в ней и с нею.

Кончается мирное лето восемьдесят девятого.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Продолжая знакомить читателей с деятельностью различных самодеятельных общественно-политических организаций, «Горизонт» публикует сегодня документы Московского Народного фронта.

Учредительная конференция этого объединения, состоявшаяся 20 мая 1989 года, приняла «Хартию Московского Народного фронта», в которой изложены его основные цели, политические установки и организационные принципы. Это очень объемный документ, опубликовать который полностью не представляется возможным, но предлагаемые вниманию читателей резолюция «О демократическом социализме» и «Обращение к гражданам Москвы» в значительной степени раскрывают основные положения хартии.

Кроме того, недавно активисты МНФ подготовили брошюру «50 ответов на 50 вопросов «Гайд-парков» Москвы о Московском Народном фронте», также дающую возможность получить определенное представление о работе МНФ. Выдержками из этой брошюры мы открываем нашу публикацию.

МОСКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ

информация к размышлению

Что такое Народный фронт?

Народный фронт — это форма самоорганизации масс снизу в процессе борьбы за глубокую и радикальную перестройку, за свои наиболее жизненные повседневные интересы. Он стремится к ликвидации в нашей стране командно-бюрократической системы, к построению общества демократического самоуправляющегося социализма. Основой НФ являются массовые инициативы самих граждан, начиная от экологических и кончая инициативами по конкретным предложениям относительно изменения государственного устройства. Главные приоритеты его деятельности — это социальная справедливость, экологическая безопасность, национальное возрождение всех народов, которые проживают на территории страны.

МНФ — это одновременно и организация со своими членами, некоторым набором дисциплинарных положений, и движение, которое включает в себя массу людей, членство которых в МНФ никак не обозначено.

Зачем нужен НФ — у нас ведь уже есть комсомол, ДОСААФ, профсоюзы, другие общественные организации?

Мы не против идеи обновления старых организаций, но важно понять, что новые демократические условия требуют и возникновения качественно новых организаций, а раз в нашей организации кто-то хочет принимать участие, то, значит, она нужна, по крайней мере, им.

Если НФ — за перестройку, почему бы вам всем не вступить в КПСС?

Потому, что далеко не вся КПСС за перестройку. Среди членов КПСС есть люди, несущие ответственность за преступления Сталина, за годы застоя, тормозящие демократизацию. Структура партаппарата остается пока неизменной, а значительная его часть выступает фактически с консервативных позиций. Внутри КПСС идет острая борьба течений, в которую рядовые члены партии не всегда могут вмешиваться. С другой стороны, в стране есть много людей, поддерживающих перестройку, разделяющих идеи демократического социализма, но не согласных со многими пунктами Программы и Устава КПСС, в частности с уставным принципом демократического централизма, который, по их мнению, сковывает инициативу находящихся в партии и вступающих в нее людей.

Так все-таки НФ — партия или нет?

НФ — это массовое народное движение за проведение конкретных преобразований и осуществление определенной концепции развития страны. Партия ставит своей целью борьбу за захват и удержание власти, а НФ — за влияние на власть.

Как МНФ относится к идее многопартийности?

МНФ положительно относится к идее создания многопартийной системы, но не очень верит в то, что эту идею здесь и сейчас практически можно осуществить. Многопартийность — это не панацея от всех наших бед. Конечно, надо дать всем желающим создать партию, возможность создаваться, регистрироваться, заниматься декларируемой ими деятельностью при условии выполнения некоторого минимума законодательных положений, но людей, не просто поддерживающих

принцип многопартийности, а практически действующих, очень мало.

Какова конечная цель МНФ?

Наша конечная цель, согласно хартии, это построение демократического самоуправляющегося социализма. Более конкретная ближайшая цель для нас — установление режима подлинного гарантированного народовластия, который предусматривает власть большинства, когда решения проводятся в его интересах, и обеспечение учета интересов и соблюдения прав национальных, экономических, идеологических, возрастных и других существующих в обществе меньшинств. Другая часть наших устремлений — построение общества гуманистического, где человек был бы целью и развития производства, и всех других социальных процессов.

Каковы основные лозунги МНФ?

Они не изменились с 1917 года: «Земля — крестьянам», «Заводы — рабочим», «Мир — народам», «Самоуправление — трудящимся». Наш новый лозунг: «От власти номенклатуры — к власти народа!»

МНФ за или против принципа разделения власти?

Мы за принцип разделения власти на законодательную, судебную и исполнительную, и каждая из этих ветвей должна дополнять, сдерживать и уравновешивать остальные.

Как в таком случае понимать ваш лозунг «Вся власть Советам!»?

Имеется в виду, что Советы должны получить всю законодательную власть. Лозунг «Вся власть Советам!» означает, что они являются единственным непосредственным источником власти, а все остальные государственные и общественные органы, участвующие в реализации власти, действуют на основе и в пределах полномочий, предоставляемых Советами и зафиксированных в законах. Мы за полноту политической власти в руках Советов. Законодательная власть распределяется между различными Советами. Часть власти в сфере производства должны взять на себя Советы трудовых коллективов. В принципе повсеместно и на любом уровне главный руководящий орган должен быть построен по принципу Совета, т. е. должен быть ротируемым, подотчетным народу, сменяемым, гласным, открытым, избираемым непосредственно народом. Таким образом, этот лозунг имеет широкий и узкий смысл.

Какова вкратце экономическая программа МНФ?

Соревнование различных форм собственности и соревнование различных экономических укладов. Это экономика, соединяющая рыночные и плановые начала в экономической жизни общества. Однако не может быть никакого экономического возрождения страны, пока у нас сохраняется нынешняя экономическая система, в которой меньше $^1/_5$ ВНП расходуется на массовое народное потребление, а остальные $^4/_5$ экономики фактически работают на самое себя. Что эта система будет разваливаться и она уже разваливается, видно каждому, даже если он не работает непосредственно на промышленном предприятии, а просто ходит в магазин. И вся проблема в том, каким образом будет происходить демонтаж отмирающих звеньев этой системы: стихийно, путем таких взрывов, которые происходили в Кузбассе, или более или менее управляемым, сознательным образом. Соответственно мы выступаем за остановку той части промышленности, работа которой бессмысленна и вредна и состоит в пустом расходовании природных и человеческих ресурсов и производстве тех видов продукции, которые никоим образом не влияют на потребление трудящихся. Высвобожденные ресурсы должны идти как на переквалификацию высвобожденной рабочей силы, так и на создание новых рабочих мест, на строительство жилья и на многое другое. Естественно, что такая фундаментальная переориентация экономики требует отстранения от власти нынешних хозяев экономической и политической жизни — коррумпированной номенклатуры и мафии. Естественно, что они подобру-поздорову эту власть никогда не отдадут и ни на какие мирные поэтапные реформы не согласятся. Этого могут добиться сами трудящиеся только в форме таких организаций, как забастовочные комитеты, которые рано или поздно образуют что-то вроде польской «Солидарности», и вместе с народными фронтами и другими демократическими силами сумеют обеспечить полновластие Советов и действительно демократически развивающуюся экономику в интересах самих трудящихся.

Как МНФ относится к кооперативному движению?

По-разному, потому что нет единого кооперативного движения. Есть, с одной стороны, легальный филиал теневой экономики — к нему мы относимся точно так же, как к теневой экономике вообще (с ней надо бороться, но с ней нельзя бороться чисто административными методами. Она есть во всем мире, но если в демократических странах с развитым рынком и правоохранительной системой ее можно держать в определенных границах, то у нас, как показывает практика, это не получается). Что касается второго слоя кооперативов, то это фактически частное предпринимательство, и наше отношение к нему, как и принципиально к любому частному предпринимательству, которое с коррумпированной номенклатурой и мафией не связано. Оно должно иметь право на существование. Точно так же должны иметь право на существование и профсоюзы, которые будут защищать интересы трудящихся в этом секторе экономики. Ну и наконец, к кооперативам настоящим, в которых действительно трудятся люди и сами люди получают и распределяют тот продукт, который они производят, наше отношение самое положительное. Мы считаем, что чем скорее на аналогичные условия будет переведена вся наша так называемая общественная, а фактически государственная экономика, тем будет лучше. Но, разумеется, это требует решения очень сложных вопросов о соучастии в управлении, о соучастии в прибылях и о многом другом. Здесь надо использовать большой мировой опыт, который накоплен по этим проблемам. Всерьез говорить о том, что кооперативная экономика в ее нынешнем виде может составить какую-то конкуренцию той части экономики, которую контролируют коррумпированная номенклатура и мафия, это, разумеется, бред. Либо будут отстранены те хозяева жизни, либо они удушат эту сферу или превратят ее в такой же послушный сектор контролируемой ими экономики, как и все остальное.

Как МНФ относится к идее совмещения постов партийного и советского руководителя?

Можно примириться с совмещением постов на высшем уровне на переходный период в ближайшие два-три года. В принципе мы рассматриваем эту идею как ненормальную в демократической политической системе, и от нее надо отказываться.

Что вы будете делать, если вас не зарегистрируют?

Будем бороться за изменение самого закона о регистрации, добиваясь, чтобы она носила не разрешительный (административный аппарат захочет — выполнит, захочет — плюнет на нашу просьбу), а заявительный характер, как сегодня это сделано в Прибалтике, т. е. чтобы мы только сообщали определенному органу (скажем, райсовету), что создана организация, представили необходимые документы и закрыть нас этот административный орган мог бы только через суд. Конечно,

нерегистрация — серьезное препятствие для деятельности: не выделяется помещение, нельзя иметь своего счета, нет своей печати, сложности с официальными организациями, но тем не менее для общественно-политического движения главное не факт регистрации, а социальная поддержка, которую оно имеет,— раз, концепция — два, мобильность — три, способность прогнозировать ситуацию и действовать в соответствии с этой ситуацией — четыре, т. е., иными словами, способность вырабатывать и реализовать практически определенную стратегию и тактику. Если мы будем серьезной организацией, если кроме одного депутата и нескольких симпатизирующих НФ на Съезде мы будем иметь значительный депутатский корпус в Московском и районных Советах, проблема нашей регистрации будет со временем решена. Поэтому в альтернативе — бороться ли в первую очередь за регистрацию или за подлинно демократические выборы — мы совершенно определенно отдаем предпочтение второму варианту.

Чем конкретно занимается МНФ?

Сейчас МНФ переходит к новому периоду своей деятельности. Была стадия блока кружков и клубов, была стадия избирательного блока, теперь наступает стадия формирования реальной организации, т. е. формируются районные структуры, а в них выделяются функциональные подразделения. Направлений деятельности очень много: агитация, выступления на предприятиях, в вузах, в РЭУ; организация митингов, пикетов около учреждений, которые несут ответственность за те или иные непопулярные действия, обсуждений волнующих общественность вопросов со средствами массовой информации; организационная работа — создание новых групп, вовлечение в них людей; работа в комиссии МНФ по национальным вопросам и отношениям. Занимаемся местным самоуправлением, подготовкой к выборам, борьбой за экологическую чистоту города, организуем теоретические семинары, готовим воскресную рабочую школу, участвуем в создании Народного архива.

Как вступить в МНФ?

Надо взять координаты одной из районных групп, связаться с ней и через районную группу войти в МНФ в качестве индивидуального члена, выплачивая ежемесячно 1 рубль или 1% от зарплаты. То же самое можно делать, принимая участие в работе каких-либо клубов — членов МНФ, функциональных групп, как, например, информационный центр, комитет по выборам, редакция газеты. Если такого желания нет и вы хотите создать свою группу среди своих единомышленников по месту работы, жительства, по интересам и т. д., то, собрав такую группу людей не моложе 14 лет, необходимо ознакомиться с хартией МНФ и, если вы с ней согласны, написать коллективное заявление, передать его в совет представителей и зарегистрироваться в качестве группы МНФ.

Существует ли опасность обюрокрачивания МНФ?

Она есть, как есть опасность обюрокрачивания любой общественной структуры, и избежать этого можно одним и только одним способом: ничего не скрывать в своей деятельности, быть постоянно открытыми для притока новых идей, людей, оперативно пересматривать свою структуру и программу, если они того требуют. Очень важно также, чтобы каждый член МНФ мог действовать самостоятельно в качестве исполнителя, организатора, лидера, теоретика, т. е. приобрел бы максимум социальных функций. Люди с высоким уровнем политической культуры не позволят собой манипулировать и не станут придатком бюрократической машины. Сейчас, однако, существует другая

опасность: не налажена информационно-диспетчерская служба, отсутствует множительная техника, нет эффективных финансовой и редакционно-издательской служб. Без решения вот таких совершенно неотложных проблем, без создания элементарных структур управленческих, аппаратных и, если угодно, бюрократических никакая организация, конечно, не может существовать и действовать. Наша беда в том, что у нас существует дикая, «азиатская» бюрократия, которая в отличие от западной не служит обществу, а давным-давно сидит у этого общества на шее. Если мы не научимся создавать в рамках своих собственных организаций послушный аппарат, который и будет проводить линию своей собственной организации, то каким образом мы можем надеяться, что эти изменения можно осуществить в масштабах завода, в масштабах области, в масштабах республики, если мы этого не можем сделать в масштабах союза единомышленников?

Каков ваш прогноз развития экономической ситуации?

Если все останется так, как есть, то экономическая катастрофа вероятна уже зимой этого года (традиционно скверное время для нашей экономики) и практически неизбежна — на протяжении следующего года. В дополнение ко всем нашим неприятностям добавляется неурожай, и, по самым минимальным подсчетам наших и западных экономистов, никакие внешние кредиты нас не спасут, потому что 40—50 миллиардов рублей единовременного вложения все равно не стабилизируют ситуацию в ее нынешнем виде. Надо искать какой-то выход в наших собственных внутренних ресурсах. Разумеется, потребуется проводить целый ряд малопопулярных мер, таких, как остановка значительной части экономики. Необходимо будет переключение высвободившихся рабочих рук и резервов на решение наиболее неотложных, т. е. продовольственной и жилищной, проблем. Совершенно ясно, что для решения этих проблем нынешнее руководство должно будет постепенно восстанавливать во многом утраченный кредит доверия у народа, так как применять какие-то непопулярные силовые действия, не пользуясь этим кредитом, оно в общем-то боится. Помочь в этом может широкое народное движение, которое будет побуждать руководство выполнять взятые на себя обязательства.

Какие пути решения межнациональных конфликтов видит МНФ?

Практически все межнациональные конфликты, если проследить их цепочку до конца, упираются в катастрофическое состояние экономики, в разрушенную систему социального обеспечения, т. е. люди, живущие в нищете, не имеющие нормального жилья, живущие в условиях отравленной природной среды, они очень часто все это воспринимают как следствие своей национальной ущемленности. Они часто думают, что стоит только убрать чужаков вокруг себя, изолироваться от внешнего мира — и среди себя мы сразу наведем порядок. Мы глубоко убеждены, что это ошибка. Таким способом никаких проблем не решишь, но очень трудно людей убедить в том, что это ошибка, и отсюда масса межнациональных конфликтов. До конца избавиться от них можно, только серьезно оздоровив экономику и решив вопрос о власти, о структуре политической власти в стране. Положительную роль в их решении смог бы сыграть, с нашей точки зрения, прямой диалог между реальными общественными организациями, которые выражают интересы существующих общин, при посредничестве других демократических движений страны в этих переговорах.

Каково отношение МНФ к забастовочному движению?

МНФ должен поддержать забастовку, если за ней стоят серьезные, справедливые, глубоко продуманные требования. Забастовка в

этой ситуации, в которой мы оказались сейчас, не лучший способ разрешения конфликтов, но, если трудящиеся исчерпали все остальные способы, если они требуют разумных и справедливых вещей, мы должны их поддерживать, а в условиях отсутствия реальных профсоюзов, которые должны отстаивать права рабочих, но ничем подобным не занимаются, в этих условиях, конечно, МНФ должен быть вместе с рабочими, рядом с ними и помогать им в их справедливой борьбе. В Зеленограде мы это делали и продолжаем делать. Наши товарищи были в Кузбассе и Караганде, и, вопреки официальной лжи, никто их не гнал и рта им не затыкал. Пока, как ни странно, от забастовок в угледобывающих районах выиграли почти все их участники. Горбачев получил новую дубинку на местных удельных князей (плохо перестроившихся); областная номенклатура, пожертвовав особняками и наиболее одиозными личностями, отхватила изрядные фонды от общественного пирога; забасткомы стали новым начальством, хоть как-то зависящим от народа; миллионы рядовых бастующих впервые почувствовали себя людьми, а не рабочим скотом, что, на наш взгляд, самое главное. Пока не удалось добиться перевыборов Советов и райкомов с обкомами, а также превращения союза забасткомов в реальную власть трудящихся, но еще не вечер...

Резолюция учредительной конференции МНФ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ

Движение Народного фронта в Москве сформировалось на основе организационных принципов от июня 1988 года, провозглашавших ориентацию на демократический социализм.

Под демократическим социализмом мы понимаем:

— равное право всех граждан на участие в политической жизни, создание независимых общественно-политических организаций, партий и профессиональных союзов, защищающих интересы всех социальных слоев;

— право трудящихся на участие в принятии экономических решений через систему производственного и местного самоуправления, демократический контроль за центральными органами, принимающими экономические решения;

— право трудящихся и всех жителей страны на систему твердых социальных гарантий, обеспечивающее всем гражданам достойное человека существование, доступ к образованию и здравоохранению, возможность получить работу по специальности и хорошие условия труда.

Бюрократическая система, сложившаяся у нас в стране, не является социалистической, поскольку она либо ограничивает эти права, либо ставит их осуществление в зависимость от доброй воли начальства и неэффективностью своего функционирования подрывает реализацию социальных прав граждан даже там, где они провозглашены Конституцией.

В противоположность изначальным принципам социализма, требующим подчинить государство воле общества, нынешняя система полностью подчинила общество государству.

Признавая человеческую личность высшей ценностью, мы не желаем пожертвовать ее интересами ни ради культа централизованного планирования, ни ради культа прибыли. Именно потому мы считаем необходимой решительную борьбу за демократизацию всех государственных структур, в том числе и за демократизацию управления в госсекторе экономики, который сегодня нельзя назвать ни общенародным, ни социалистическим.

Социализм — это свобода. Борьба за экономическое, политическое и социальное освобождение трудящихся есть борьба за социализм. Выступая с данных позиций, участники движения НФ решительно отстаивают право каждого человека на изложение и защиту своих взглядов, в том числе и несоциалистических, равно как и полную свободу дискуссий в рамках собственной организации.

Право на политическое самовыражение не должно ограничиваться ни властью аппарата, ни властью денег. Мы выступаем за формирование системы правовых гарантий, обеспечивающих доступ меньшинства к средствам информации, недопущение ни государственной, ни частной монополии в этой области. Социалистический плюрализм требует не только равноправия всех существующих социалистических идеологий, но и свободного соревнования социалистических идей с несоциалистическими.

Мы готовы, не отказываясь от собственных взглядов, в ходе борьбы за демократию сотрудничать со всеми течениями, организациями и группами, выступающими за права человека, национальное и региональное равноправие, социальную справедливость и защиту окружающей среды.

Социалистическая демократия — демократия для всех!

ОБРАЩЕНИЕ К ГРАЖДАНАМ МОСКВЫ

Сложившийся к настоящему времени в стране механизм авторитарного правления показал свою полную несостоятельность. Он является главным препятствием на пути реализации созидательных способностей и суверенной воли народа. Потребностью общества стали коренные реформы всех сторон жизни. Перестройка, несмотря на противодействие консервативных сил, дает народу шанс выйти на свободный путь демократических и социалистических преобразований. В переломное время социальная активность людей не может ограничиваться старыми формами, повсеместно началось возникновение общественных организаций и объединений политического характера, широкого движения за коренное демократическое преобразование общества.

20 мая 1989 года полномочные представители 46 общественно-политических организаций и групп Москвы и Московской области, собравшись на свою учредительную конференцию, провозгласили Московский народный фронт как общественно-политическую организацию движения за революционное обновление общества.

Московский народный фронт — это свободный союз людей, активно участвующих в перестройке советского общества, в движении гражданских инициатив, в борьбе за построение в нашей стране демократического правового государства и гуманного самоуправляющего социалистического общества. Под ним мы понимаем общество, которое обеспечивает своим гражданам

— равное право на участие в политической жизни, свободное создание независимых общественно-политических организаций, партий и профсоюзов, защищающих интересы всех социальных слоев;

— право трудящихся на участие в принятии экономических решений через систему производственного и местного самоуправления, демократический контроль над центральными экономическими органами;

— твердые социальные гарантии: достойное человека существование, доступ к образованию и здравоохранению, возможность получить работу по специальности и удовлетворительные условия труда.

Членство в МНФ несовместимо с призывами к насилию, проповедью национальной исключительности и вражды к другим народам, претензиями на монопольное обладание истиной, пропагандой сталинизма и фашизма.

В своей деятельности мы будем добиваться:

В области политики и государственного строительства:

— передачи всей полноты законодательной власти в руки Советов;

— пересмотра избирательного закона, который должен предусматривать прямые, равные, тайные выборы в Верховный Совет СССР, а также прямые, равные, тайные выборы председателей Советов всех уровней, включая Председателя Верховного Совета СССР, полную свободу выдвижению кандидатов, отмену института окружных предвыборных собраний и выборов от общественных организаций;

— безусловной отмены ст. 6 Конституции СССР;

— права свободной регистрации любых общественных организаций, включая партии;

— заключения нового Союзного Договора, обеспечивающего равные права для всех народов СССР;

— введения суда присяжных, создания Конституционного суда;

— деидеологизации всех правоохранительных органов и учреждений государства;

— демократического законодательства о митингах, собраниях и демонстрациях;

— свободного доступа граждан к любой несекретной информации и отмены предварительной цензуры;

— ликвидации системы прописки и отмены института выездных виз;

— отмены номенклатурной системы формирования кадров, сведения к минимуму численности госаппарата и ликвидации любых привилегий его работников;

— коренной реформы оборонного дела, включающей запрет на применение Вооруженных Сил за пределами страны без санкции Верховного Совета СССР и внутри страны против своего народа, отказ от поддержки репрессивных режимов, передачу армейских частей и подразделений под контроль Советов, улучшение качества жизни военнослужащих и укрепление их правовой защиты, переход в перспективе к профессиональной армии.

В области экономики и социальной политики:

— поэтапной передачи рабочим, крестьянам, деятелям науки и культуры права полностью распоряжаться как средствами производства, так и результатами своего труда;

— реального производственного самоуправления, для чего СТК должен стать высшим органом государственного предприятия;

— замены системы отраслевых министерств свободными объединениями самоуправляющихся предприятий;

— принятия законодательства, уравнивающего в правах различные виды предприятий, включая кооперативные, которое защищало бы их от произвола чиновников и в то же время отстаивало интересы потребителей;

— законодательного ограничения цен на основные потребительские товары с непременным переходом в будущем к рыночным методам их регулирования;

— законодательного закрепления права всех граждан страны на получение гарантированного минимума дохода, сумма которого должна устанавливаться ежегодно с учетом индекса цен, минимальный размер пенсии не должен быть меньше минимальной зарплаты;

— гласного контроля общественности над общественными фондами потребления и распределением государственного жилищного фонда;

— превращения медицины в самую приоритетную статью валютного бюджета страны.

В области экологии, образования, науки и культуры:

— создания Экологического фонда для финансирования экологических исследований;

— введения в уголовное законодательство понятия экологического преступления;

— увеличения ассигнований на образование, науку и культуру до уровня развития зарубежных стран;

— создания Общественного совета по радикальной реформе средней и высшей школы;

— демократизации структуры и принципов деятельности АН СССР;

— полной автономии творческих союзов от государственных органов.

Добиться этих целей сможем только мы сами и только мы вместе. Подлинная демократия наступает не тогда, когда народу дают право обсуждать предложения вышестоящих инстанций, а когда от его воли, и только от нее, будет зависеть окончательное решение, когда мы осознаем свою силу и влияние и научимся организованно защищать свои интересы.

Время для этого пришло.

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ХИЖИНА ДЯДИ СЭМА», ИЛИ ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Когда более века назад американская писательница Бичер-Стоу завершила свой антирасистский роман, никто еще не мог предположить, что пройдет время — и на другом конце света коллективными усилиями членов ЦК и воспитательниц детских садов, учителей и собственных корреспондентов будет создаваться миф о «хижине дяди Сэма». Как помните, дядя Том был черным и добрым. В противоположность ему дядя Сэм был белым. И очень не любил черных.

Впрочем, по порядку... Год назад Научно-исследовательский центр Советской социологической ассоциации провел опрос москвичей на предмет выяснения их отношения к неграм. Среди вопросов, в большинстве оказавшихся малосодержательными, были и два информативных. В них помимо отношения к неграм выяснялось отношение москвичей к арабам, белым американцам, евреям и западноевропейцам. Первый вопрос — об отношении к самим попавшим в список. Второй — об отношении к возможности вступления сына (дочери) в брак с кем-либо из них.

1. Ваше отношение к следующим группам (%):

	симпатия	безразличие	неприязнь	не знаю
черные африканцы	25	59	12	4
черные американцы	30	51	13	6
арабы	31	53	9	7
среднеазиаты	38	48	9	5
евреи	40	44	12	4
белые американцы	48	44	3	5
западноевропейцы	59	37	1	3

Ответом на первый вопрос многие избрали «безразлично». Но безразличие может быть доброжелательным («мне безразлична твоя принадлежность, важны твои личные качества») и настороженным («раз уж ты в этой группе, ты мне безразличен»). Какое безразличие испытывали опрошенные, проясняют ответы на второй вопрос.

2. Одобрили бы вы брак сына (дочери) с (%):

	да	нет	не знаю
черным африканцем	25	65	10
черным американцем	26	64	10
арабом	34	54	12
среднеазиатом	47	41	12
белым американцем	57	33	10
евреем	58	32	10
западноевропейцем	66	25	9

Кажется, диагноз ясен — рафинированный расизм. Однако даже если и так, стоит попытаться понять — почему. Да и все ли ясно? По крайней мере, не возьмусь судить, какое место заняли бы русские или, положим, украинцы.

Отношение к чему высказали участники опроса? «Западноевропеец» — далеко не расовый признак. А американцы или арабы в отличие от евреев или жителей Средней Азии воспринимаются как представители не столько этнических групп, сколько стран.

При ответе на первый вопрос респонденты руководствовались в одном случае этническими стереотипами, в другом — представлениями об уровне жизни, в третьем — политическими симпатиями. А при ответе на вопрос об отношении к браку — даже соображениями о межгосударственных отношениях. Давно ли брак с иностранцем был все равно что с инопланетянином?

Остается гадать, каким был для опрашиваемого образ той или иной группы. Хотя лишь зная его, можно понять, отношение к чему было высказано. Однако воспользуемся теми данными, которые есть.

Брак с негром (африканцем ли, американцем) одобрила бы четверть опрошенных. Та же самая четверть, что с симпатией относится к африканцам. Но это означает, что у безразлично относящегося к неграм большинства безразличие явно недоброжелательно — брака с негром никто из «безразличных» так-таки и не одобрил бы.

Второе. 30% опрошенных, симпатизирующих черным американцам, включали в себя и те 25%, что симпатизируют африканцам. И то, что для этих двух групп число положительных ответов на второй вопрос почти совпало, может означать лишь одно — социальные факторы, определяющие лучшее отношение к американским неграм, менее важны для ответивших, чем расовый.

Отвечая на первый, весьма отвлеченный вопрос, человек не берет на себя никаких, даже гипотетических, обязательств и сильно ориентируется на реально, по его ощущению, принятый в обществе стандарт. Напротив, ответы на второй вопрос отражают отношение респондента к событию, затрагивающему его лично.

Можно питать симпатию к кому-либо и в то же время быть категорически против брака с ним своего ребенка. Но можно, относясь к другому «безразлично», брак одобрить. Как разделилось мнение безразличных, когда они отвечали на второй, более острый вопрос?

Проделаем нехитрые вычисления — вычтем из числа положительных ответов на второй вопрос число аналогичных ответов на первый. Например, по второму вопросу положительных ответов для арабов было 34%, по первому — 31% и прирост составил 3%. А теперь поделим полученную разность на число высказавших безразличие по первому вопросу. Это как раз и есть показатель того, как разделились голоса «безразличных».

С учетом тех респондентов, которые, положительно ответив на первый вопрос, не дали положительного ответа на второй, этот показатель даже ниже реальной доли доброжелательно «безразличных». Для большинства вошедших в список групп он не превышает 0,1. Для среднеазиатов, белых американцев и западноевропейцев составляет порядка 0,2. Особенно же велик он для евреев — 0,41!

Принято считать, что антисемитизм широко распространен и чуть ли не является врожденной чертой русского народа. Однако из опроса вырисовывается иная картина. Да, антисемитизм есть. Но, во-первых, он далеко не масштабен. И существует на поверхностно-декларативном уровне. Люди склонны завышать оценку степени зараженности антисемитизмом окружающего общества. Высказывая, как оказалось, «проеврейское» безразличие по первому вопросу, москвичи исходили именно из этой завышенной оценки.

Из опроса очевидно, что нормой является не антисемитизм, а мнение о том, что он является общественно одобряемой нормой. Это возможно лишь при поощрении и молчаливом одобрении антисемитизма властями. Но так оно и было еще недавно. Антисемитизм был чертой не народа, а властей (вне зависимости от их национальной принадлежности и личных симпатий). Вспомните хотя бы о «пятом пункте» при приеме на работу. Хотя можно вспомнить и о сегодняшней беспрепятственной деятельности «Памяти».

Ну а что же с отношением к иностранцам? Оно традиционно складывалось вне контактов с самими иностранцами. Чужую культуру в нашем сознании обычно заменял образ, рожденный на нашей почве.

Феклуша, персонаж пьесы А. Н. Островского, полагала, что за пределами Российской империи живут люди с песьими головами. И это в ту идиллическую пору, когда государство еще не занялось взращиванием единообразного «человека нового типа». Феклуша сама знала, что те, у кого «и царей-то нет православных» и вера иная, должны быть, не иначе, с песьей головой.

Конечно, нетерпимость рождается не верой, а нетерпимыми условиями. Вера лишь дает ей направление, указуя критерий оценок.

Октябрьская революция сделала мерилом всего классовый признак. Признаки, из него не вытекающие, роли не играли. Братство по классу не знало государственных границ и расовой розни. На своих и чужих мир делила одна граница — классовая.

Строительство новой империи на фундаменте классовой веры началось не в 30-х. Но 30-е стали действительно годами великого перелома. В стране уже некого было отправлять на алтарь классовой ненависти. Привычный враг остался за пределами СССР.

И тогда идея всемирного пролетарского фронта уступила место модели внешнего врага и его внутренних агентов. Различительным признаком вместо классовой стала государственная полноценность.

В отличие от иных велеречивых соратников Сталин выражал простые мысли в простых образах. Не стала исключением и «семейно-племенная» модель национального устройства новой империи: вождь, он же отец народов, Родина-мать и народы-братья.

Старшим братом был назван русский народ, что ничуть не облегчало его участь. Среди братьев были и те, о ком сказано: «в семье не без урода». Строгий отец на глазах всей семьи наказывал их. От этого все другие, столь же притесненные, но избежавшие публичной экзекуции, братья питали искреннюю признательность к отцу. В пору борьбы с космополитизмом выявили и подкидыша.

Ссорились бы братья, не укажи отец брата-урода?

Империя потому тюрьма народов, что она тюрьма всего народа. Жизнь в тюрьме всегда множит ненависть, которую проще направить на других узников. Озлобление, рожденное ущемленностью, выплескивается в наиболее доступные каналы, и виновником всех бед может оказаться любой. Стоит надзирателю отвернуться, тут же возникает драка. Так было в Сумгаите. Так было в Фергане.

Но это внутри... В 30-е годы изменился взгляд и на внешний мир. Классовая схема стала эмблематичнее, указывая не врага-капиталиста, а врага — страну капитала. Межклассовое преобразилось в межгосударственное. И в продажные агенты капитала все чаще стал попадать пролетариат развитых стран.

С неизменной любовью преподносился лишь образ никому не ведомого жителя колоний. В замечательной песне 30-х годов пелось: «Нет для нас ни черных, ни цветных». Да нет же, неправда. Быть негром или индусом значило быть угнетенным, что гарантировало симпатию большую, чем к соотечественнику.

Когда имя Бухарина вымарывалось из истории, одно из его открытий, напротив, стало незыблемым постулатом. Далекий от догматизма теоретик понимал беспочвенность ожидания пролетарской революции во чреве капитализма. Однако пожар мировой революции он надеялся увидеть не менее других. Поэтому его взор обратился от бесперспективного Запада к пусть не пролетарскому, но перспективному Востоку. Роль движущей силы мировой революции Бухарин отвел жителям колоний. Но, заметьте, их кожа имеет иной цвет, чем кожа колонизаторов. Классовый признак легко преобразился в расовый, и друзей стали отличать по пигментации.

«Холодная война» лишь усилила расовые симпатии. Портрет Соединенных Штатов, тогдашнего «врага номер один»,— это «хижина дяди Сэма», в которой белые капиталисты нещадно эксплуатируют негров. (Та же картина изображала и мир в целом.) На этой картине не могло быть места черному предпринимателю, ученому или полицейскому, но всегда было — для черных, занятых «черной» работой или, того лучше, безработных или линчуемых.

Белый иностранец был потенциальным шпионом, гражданин СССР — «врагом народа». Чист оставался только свободолюбивый негр. Государство заочно любило далеких и ни о чем не подозревающих негров своей государственной любовью. Возьмите советскую международную журналистику (или детскую книжку) 50—60-х. Не покажется ли, что это писал черный расист?

Симпатии не одного только государства, но и самих советских людей в те годы всецело были на стороне негров. Весь наш народ был немного черным расистом, любившим негров и ненавидевшим белого дядю Сэма. Когда наконец произошла встреча с чернокожим объектом светлого чувства, идеализированный образ не рухнул. Откуда же нынешняя неприязнь? Ведь ничто не возникает из ничего.

Как ни трагикомично, но и в изменении отношения к неграм виновным может оказаться... застой. Судите сами. В 60-х иными были мы, иными были негры. И мы и они в то время заново обрели свободу и были полны надежд на будущее. Самоощущение советского человека в начале 60-х никак не схоже с чувством ущербности, появившимся к концу того же десятилетия.

Страна, только что заявившая права на интеллектуальное и техническое лидерство, встала на путь заимствований с Запада. Заимствовались не одни технологии. Заимствовались жизненные ценности, нормы поведения. И разумеется, расовые стереотипы. Однако основным источником информации о них была прежняя, изготовленная пропагандой абсурдная картинка «хижины дяди Сэма».

Логика перехода от любви к неприязни проста. Сама «Хижина» учила, что негры заняты разве что примитивной работой — делают белый сахар, кайлят черный уголь. А обычно ничего не делают. Полная благ западная цивилизация создана не ими. Так почему советский человек, сам белый, должен любить черных? Нет спору, белому естественней быть белым расистом, чем расистом черным. Но, сделав шаг к норме, мы пропустили один вариант — вообще не быть расистом. Вышло так, как если бы Феклуша, понаслышке узнав, что «люди с песьими головами» живут лучше нее, решила, что дело тут как раз в песьей голове, и поторопилась бы отрастить такую же.

Нельзя сказать, что стихийная переоценка ценностей путем выворачивания наизнанку прежней модели мира была уделом непросвещенного массового сознания. Скорее уделом сознания полупросвещенного, располагающего информацией и готового мыслить ровно настолько, насколько необходимо не для отказа от лживой модели, а для замены оценок в ее же рамках на прямо противоположные.

Как показал опрос, неприязнь к неграм особенно высока у людей в возрасте 25—40 лет. Но не они ли, как никто другой, с детства воспитывались на любви к неграм из «всемирной хижины»? И в то же время именно для них первых образцом стал едва известный Запад (прежде всего США как его символ). Верность же оценкам классической схемы «хижины дяди Сэма» сохраняют пенсионеры и военные, более других не любящие белых американцев и евреев.

Усвоение вызванных нашей (не дяди Сэма) пропагандой расистских стереотипов облегчалось ее же речами о бескорыстной помощи Африке. Массовое сознание утверждалось в мысли, что «мы их кормим». И утверждалось тем сильнее, чем более пустели прилавки.

Впрочем, не надо думать, что работа велась с одной стороны. Советская пропаганда создала образ СССР как своего рода рая для негров. А западная — образ третьеразрядной страны полурабов. Кого привлекут эти образы? Уже проникнутого цивилизацией и желающего получить современное образование? Или далекого от цивилизации и морали, но жаждущего развлечься среди белых туземцев?

История, приключившаяся с отношением к неграм в СССР, печальна. Но на фоне реальных межнациональных проблем внутри Союза она и комична. Что могло быть нелепее государственного черного полурасизма в стране без черных? Что может быть нелепее государственной любви, в который раз рождающей народную неприязнь?

И что может быть нелепее, чем считать, подобно автору, расизм симптомом выздоровления? Однако, думаю, белый расизм — не конечный пункт на пути от черного расизма. Есть надежда, что, перестав любить за один лишь цвет кожи, мы научимся любить вне зависимости от цвета. Правда, прежде советскому человеку любой нации предстоит перестать чувствовать свою ущербность в стране и ущербность своей страны в мире.

Николай Бузикашвили,
младший научный сотрудник
ВНИИ системных исследований АН СССР

МИЛЛИОНЕРЫ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Теневая экономика плодит миллионеров. Там, в тени нашей светлой жизни с ее талонами на мыло, люди богатеют, стреляются из-за женщин и денег, «убирают» лишних, попивают мелкими глотками из тонкостенных фужеров коньяк и виски... Там, в тени,— хорошо и немного жутко...

С заведующей отделом социальных проблем и прогнозирования народного благосостояния Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР доктором экономических наук Татьяной КОРЯГИНОЙ и старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Тельманом ГДЛЯНОМ о тайнах теневой экономики беседует журналист Вячеслав БАСКОВ.

В. Б. Продавщица скромного табачного киоска выставила на витрину один неходовой товар, скажем, папиросы «Прибой», зато для своих подруг из «Обуви» и «Света», что напротив, через дорогу, припрятала несколько блоков сигарет «Ява». Продавщицы же из «Света» и «Обуви», чтобы не оставаться в долгу, оставили табачнице одна — пылесос и утюжок, а вторая — дешевые, но очень теплые зимние сапожки. И вообще они все время чем-нибудь обмениваются, эти три закадычные подружки. Это будет теневой экономикой?

Т. Корягина. Да.

В. Б. В таком случае она была у нас всегда. Наши продавцы всегда что-нибудь припрятывают друг для друга — с обратной стороны магазина идет, знаете, бойкая торговля! Почему же о теневой экономике заговорили только в последнее время?

Т. Гдлян. Маленький юридический штрих. Для меня теневая экономика — это когда из общественных, государственных и личных средств граждан изымается энная сумма материальных ценностей. В случае с продавщицами речь должна идти о нарушениях правил советской торговли.

Т. Корягина. Нет, это самая настоящая теневая экономика, потому что распределение товаров — составная часть любой экономической системы. О теневой экономике говорили всегда, правда, не так интенсивно. Теневая экономика — это аномалия, болезнь. И о ней стали говорить благодаря перестройке. Не думайте, что с «черного хода» магазина идет «просто торговля», деньги за которую поступают в государственную кассу. За подобным натуральным обменом (ты мне блок сигарет — я тебе дефицитный утюг) стоят глубокие экономические отношения. Ни одна из «закадычных подружек» не станет торговать себе в убыток. Любой дефицитный товар с «черного хода» идет с переплатой, если не прямо в рублях, то дополнительной услугой. Скажем, за ботинки, которые по государственной цене стоят 70 рублей, можно заплатить «подружке» 75, а можно предложить ей билет в театр. А за простую государственную цену подружка могла бы продавать товар и через прилавок!

В. Б. Товар на «черный ход» или на «черный рынок» идет исключительно из магазина?

Т. Корягина. Конечно, нет. Могут быть прямые ходы с предприятия-производителя, с оптовой базы, с плодоовощной. И в самом мага-

зине, разумеется, очень опасно реализовывать по секрету от массового потребителя товары в большом количестве. Поэтому дефицитная продукция тайком сбывается перекупщикам или лицам той цепочки организованной преступности, которые специализируются на покупках-продажах в лоне «черного рынка». Это может быть обычная барахолка, квартира спекулянта, известная точка у станции метро и т. п. Мое мнение, что это явление вообще неистребимо, пока существует дефицит.

Т. Гдлян. Но дефицит возникает по-разному. Первый носит объективный характер. Это когда в силу несовершенных экономических отношений в производстве данное производство не способно удовлетворить потребность потребителя. Покупатель может требовать товара сколько угодно, но его попросту неоткуда взять. Второй носит субъективный характер: Татьяна Ивановна уже говорила о рваческой психологии иных работников торговли — от рядовых продавцов до верхних эшелонов торговой системы. Однако есть еще третья форма создания так называемого искусственного дефицита. Например, скоропортящиеся продукты не вывозятся с базы специально. Лица, вступившие в сговор, списывают этого товара в два, в три раза больше фактически утраченного. А на самом деле «списанное» прекрасно выбрасывается на прилавок и выручка попадает не в государственный, а в свой карман! И никаких следов: товара-то не было, он же «списан»! Такая преступная практика действует по единому сценарию фактически повсюду в стране, в том числе и в Москве.

Т. Корягина. Когда правоохранительная система парализована и не борется с организованной спекуляцией, организованной коррупцией, то это приобретает чрезвычайно опасные для страны масштабы, так как недовольство масс выливается на правительство, на партию, на систему в целом.

Т. Гдлян. В правоохранительные органы столицы поступают острые сигналы о необъяснимо вспыхивающих «дефицитах» то одного, то другого. Но порочная практика грабежа государства продолжается. Для меня совершенно непонятна позиция, занятая органами прокуратуры и внутренних дел. Татьяна Ивановна может называть это «параллизацией», но для меня это — бездействие, которое, по существу, является пособничеством преступному миру. Не как следователь, а как народный депутат ставлю перед этими органами вопрос о проведении проверки этой стороны теневой экономики и возбуждении уголовных дел в отношении виновных. Теневая экономика не может обходиться без покровителей, которых она кормит. Это не только директора магазинов, райторгов, горторгов, но и боссы из партийных и советских органов, которые их покрывают.

Т. Корягина. Коррупция разрастается как по вертикали, так и по горизонтали: взятки идут своим, товары покупают с переплатой друг у друга — это разрастание по горизонтали, и взятки идут наверх, чтобы высокопоставленные лица лучше прикрывали. Формируется коррумпированное общество — самое страшное, что может быть на свете, так как и право вдруг становится разным: льготным для одних и очень жестким для других.

Т. Гдлян. Без покровительства сверху под нашим носом не могло бы совершаться такое число хищений, а сумма похищенного исчисляться многими миллионами.

В. Б. Сколькими?

Т. Гдлян. Экономисты и юристы полагают, что в недрах теневой экономики каждый год обращается 100 миллиардов рублей. Если бы они участвовали в открытой экономике, то перед Министерством финансов СССР вряд ли бы встала очень трудная задача, где взять деньги на прибавку к пенсиям, детям-инвалидам в том числе.

В. Б: Кто-нибудь считал, сколько людей занято в теневой экономике? Есть ли среди них миллионеры, то есть владельцы миллионных состояний? По-вашему, сколько у нас подпольных миллионеров?

Т. Корягина. Хоть мы и больше говорим о теневой экономике, чем в прежние годы, но на государственную основу ее изучение так и не поставлено. Наши экспертные расчеты говорят о том, что в теневой экономике насчитывается как минимум 30 миллионов человек. Сюда попадают лица, которые оказывают услуги или производят товары и эпизодически, и в течение длительного времени, и группами, и в одиночку. Сюда входят и те, кто в рамках организованной преступности занимается хозяйственной деятельностью и раздает взятки по налаженной системе. Миллионеры появляются как раз в рамках организованно налаженного подпольного бизнеса. И при этом закон гарантирует их безопасность! То есть у группы «деятелей» обязательно должен быть свой человек в ОБХСС, свой юрист, своя охрана, наконец, свой работник Госснаба, который будет снабжать высокопроизводительным оборудованием, дефицитным высококачественным сырьем и проч. По моей оценке, у нас живут и здравствуют до 15 тысяч подпольных миллионеров.

В. Б. А по скольку у них миллионов? Или у всех по одному?

Т. Корягина. Нет, есть уже люди, у которых состояние исчисляется десятками миллионов. Ходит легенда, будто у нас есть миллиардеры, но следственными материалами это не подтверждается. Надо, однако, учитывать, что их капитал — не обязательно деньги. При умном вложении можно очень резко повысить свое благосостояние за счет приобретения уникальных предметов искусства, других редкостей.

В. Б. Татьяна Ивановна, неужели наши миллионеры едят больше обычных людей?

Т. Корягина. Думаю, что некоторые из взяткополучателей просто обжоры, им часто в виде взяток приносят еду. А для предпринимателей их миллионы — результат игры ума. Им бывает некогда пообедать за день.

В. Б. Тельман Хоренович, говорят, любая табачница способна разбогатеть чрезмерно, а место продавца газированной воды не получишь без соответствующей взятки. Так ли это?

Т. Гдлян. Я, как специалист по миллионерам-взяточникам, могу лишь констатировать, что, прежде чем стать миллионером, необходимо иметь солидный источник доходов. И не менее солидное прикрытие. Организованное взяточничество — это целый ансамбль, где одни берут, другие дают. Но, чтобы давать, откуда-то надо брать. В этом стройном ансамбле есть мелкие рыбешки, которые, чтобы выжить, «обеспечивают» своего шефа, а себе оставляют сверх зарплаты столько, чтобы хватило на мелкие расходы. Дети таких людей остро переживают смерть родителей: они тут же снова беднеют. Рыбешки среднего уровня уже обеспечивают одно поколение своих наследников. Мы их называем «тысячниками», так как у них от нескольких десятков тысяч рублей до нескольких сотен тысяч. Акулы же взяточничества — миллионеры — как правило, после ухода в мир иной обеспечивают безбедное существование не одному поколению своего потомства. Акулы чаще всего занимают высокое должностное положение, имеют респектабельные кабинеты и непременно гербовую печать — без этих атрибутов власти невозможно собирать дань со своих подданных в массовом масштабе и в крупных суммах. Что же касается продавцов га-

зированной воды, табачниц, то, как показывает практика, они относятся к первой категории и объективно, даже если желают этого, не могут стать миллионерами. Мы не должны, однако, исключать, что редкие «счастливые» случайности бывают и среди этого люда.

В. Б. Тельман Хоренович, вы встречали подпольного миллионера?

Т. Гдлян. Да. Эти люди принадлежат к различным социальным слоям. Начальник ОБХСС Бухарской области Музаффаров нещадно грабил своих подчиненных и работников торговли, обложив их налогом. Буквально за несколько лет он накопил ни много ни мало больше полутора миллионов рублей в золоте и в рублях. Его собрат по миллионным делам директор Бухарского горпромторга Кудратов, который собирал регулярную дань со всех торговых точек древней Бухары, образовал личный капитал, исчисляющийся почти 5 миллионами рублей. Их партийный вожак, первый секретарь Бухарского обкома партии Каримов, используя свою руководящую и направляющую роль в области, изящно положил в карман, точнее — в сундуки около 6 миллионов этого добра. Прошу учесть, что в сравнении с тогдашним «главным лицом» Узбекской ССР, ныне почившим, все это мелкие рыбешки! У того накопилось несметное, подчеркните — несметное богатство, которое до сих пор не возвращено народу Узбекистана. Одно это свидетельствует о недееспособности правоохранительной системы. Небезынтересно отметить, что львиная доля богатства «главного лица», а также его подчиненных веером расходилась по различным, еще более высоким ведомствам, расположенным в Москве. Разошлась и — осела. И эти богатства до сих пор не возвращены нашему изголодавшемуся народу и дырявой экономике. Вот вам классический итог деятельности теневой экономики и не менее классический пример расслоения общества путем растаптывания закона.

В. Б. Как вы думаете, наши нелегальные миллионеры — такие же неутомимые трудяги, как западные? Или это, наоборот, сплошь тунеядцы, эксплуататоры чужого труда, взяточники-вымогатели?

Т. Гдлян. Может быть, среди них и есть такие, кто не успевает пообедать, но я не встречал. Отличие наших доморощенных подпольных миллионеров как раз и состоит в том, что они по самой своей сути — трутни, которые получают прибыли, не ударяя пальцем о палец. Где вы видели на Западе, чтобы их миллионер не добывал свой хлеб насущный в поте лица? Второе отличие наших миллионеров-подпольщиков в том, что они более политизированы, что ли. Настало время поставить вопрос о нашем сотрудничестве с Интерполом. Начавшаяся у нас политика открытых дверей неизбежно приведет к активизации, к усилению мафиозных связей в международном масштабе. Наша страна в этом смысле находится, безусловно, в опасности. Следует принимать срочные эффективные предохранительные меры. Наши народные ценности не должны оказаться в руках еще большего числа подпольных группировок.

В. Б. У многих людей есть то, чего нигде не продают. Можно ли судить об участии человека в теневой экономике по тем продуктам или вещам, которые у него есть?

Т. Гдлян. Это глубоко неверное суждение, поскольку совершенно легально, на полном законном основании отдельные категории людей могут обладать тем, чего нет у других. Рассказывают, например, что у Давида Ойстраха была скрипка Страдивари, какой нет ни у кого. Это же не значит, что он состоял членом мафиозной группировки. Участие в теневой экономике характеризуется прежде всего и главным образом незаконностью действий того или иного лица. А степень опасности его участия в этом промысле можно определить по объему приобретенного за счет своего ближнего.

Т. Корягина. Лучше всего ежегодно представлять декларацию о своих доходах, как делается во всех цивилизованных странах. Тогда у соседей не будет появляться излишняя подозрительность. Но этот вопрос находится у нас в крайне запущенном состоянии. Поэтому множество людей демонстрируют преступно нажитые богатства.

Т. Гдлян. А правоохранительные органы пребывают в глубокой спячке, делая вид, что не замечают происходящих разрушительных процессов в обществе. Народ не простит нам бездействия, когда на глазах разворовывается страна. Представители теневой экономики занимают господствующие высоты, а должно быть наоборот: их должна занимать законная экономика.

В. Б. И все-таки народ, к суду которого взывает Тельман Хоренович, не очень принимает ситуацию, когда одни люди имеют то, чего никак не могут достать другие. Существует ли связь между теневой экономикой и привилегиями?

Т. Корягина. Я бы прямой связи не проводила.

Т. Гдлян. Привилегия привилегии — рознь...

Т. Корягина. Пожалуй, их роднит дефицит! Понимаете, дефицит — отец и мать теневой экономики. Но ведь привилегии тоже появились в результате того, что остродефицитными товарами дополнительно стимулировалась определенная категория населения. В основном управленцы верхнего эшелона. И притом по государственным ценам. Им не приходится за дефицитом гоняться, приплачивать за него. Теневая экономика дефицит создает, а привилегированная часть населения его как бы не замечает — в этом и состоит привилегия!

Т. Гдлян. Привилегия и «кормушка» теперь считаются одним и тем же. Когда «кормушка» создается на фоне обнищания миллионов людей, то это приводит к раздражению и протесту. При всеобщей карточной системе было бы весьма справедливым, чтобы и жены членов Политбюро пользовались, как равные среди равных, теми же талонами на мыло, сахар, ученические тетрадки и на иные мелкие блага. Убежден, что в скором времени общество бы избавилось от многих карточек: влияние жен на своих мужей сыграло бы свою положительную роль. А вообще я против всякого рода «кормушек».

В. Б. Всюду и все говорят, что привилегии нужно упразднить. Однако они существуют. Может быть, привилегии — неизбежность?

Т. Корягина. Неизбежность. Для лиц, которые социально не защищены: инвалиды, дети, многодетные семьи, матери-одиночки... Всем же, кто может зарабатывать сам, привилегированность должна выражаться через высокие заработки. И тогда про таких людей никто не скажет, что они разбогатели нечестно. И хочу прибавить, что я — за легальных миллионеров! И вообще за общество богатых и счастливых людей.

В. Б. Кто же против него? Но побочная экономика возникает там, где есть дефицит, она восполняет пустоту на рынке товаров и услуг. В таком случае, может быть, теневая экономика — вовсе не плохо? А подпольные миллионеры — фундамент будущего «общества богатых и счастливых»?

Т. Корягина. Конечно, неплохо. В рамках дефицита любое дополнительное производство товаров и услуг — кофточек, ботинок, зубной пасты, ремонта очков и автомашин — сглаживает несбалансированность спроса и предложения. Но оборотной стороной даже такая добропо-

рядочная деятельность аморальна, потому что она строится, как правило, на подкупе должностных лиц.

Т. Гдлян. Странная точка зрения. Закон считает теневую экономику безусловно вредной. Трудно согласиться с Татьяной Ивановной о пользе теневой экономики, так как, обеспечивая естественные потребности одной группы людей, она, несомненно, ущемляет интересы и возможности других. Особенно тех, кто не может раскошеливаться перед алчными боссами теневой экономики, переплачивая втридорога. Я уже не говорю о том, что вечным спутником теневой экономики является взяточничество и продажность представителей власти. Как видите, в последнем утверждении мы с Татьяной Ивановной вполне согласны.

В. Б. А на Западе есть теневая экономика? Была ли она в России, в Древнем Риме, например?

Т. Корягина. Мне кажется, что теневая экономика существовала всегда, она неизбежна. Потому что всегда будут люди, которые по своей натуре склонны вступать в конфликтные ситуации с законом. Это как бы психологическая проблема. На Западе есть люди, которые уклоняются от уплаты налогов. Это тоже сектор теневой экономики. Или вот в Америке в тридцатых годах был введен «сухой закон». Однако там бурно развился подпольный винно-водочный бизнес.

В. Б. Который почти точь-в-точь повторился у нас в конце восьмидесятых. Значит ли это, что лучше всего людям ничего не запрещать, чтобы их деятельность не считалась подпольной?

Т. Корягина. Надо запрещать только действительно опасные для общества виды деятельности: производство наркотиков, оружия, содержание публичных домов, куда могут попадать малолетние, и т. п. Но учтите, запрещать всегда трудно. Одними запретами жизнь не улучшишь. Хотя очень хочется. Возьмем такой деликатный вопрос, как проституция. Это же своего рода бизнес, где все строится, как в торговле, на спросе и предложении. Запреты пытались налагать уже в Древнем Риме, но правильно говорят, что Рим пал от разврата. В наше время во многих странах в публичных домах просто-напросто налажена система справок о состоянии здоровья... Разумеется, теневая экономика была и в России. Лучше, чем я, об этом уже рассказали Гоголь (Городничий погряз во взятках!) и Салтыков-Щедрин.

В. Б. Тельман Хоренович, теневую экономику окружают пугающие слухи об убийствах, перестрелках...

Т. Гдлян. Уголовная накипь за последние годы выплеснулась на поверхность. Социальные условия нашего «экономического расцвета» являются базой подобного поведения — главным образом со стороны низовой ступени мафии, рэкета. Рэкетиры проявляют себя более активно, беззастенчиво и, я бы сказал, более нагло, чем боссы, так называемые «крестные отцы» организованной преступности, которые руководят этими боевиками. Предводители предпочитают сохранять респектабельность в своих кабинетах и оставаться в тени, но все держать под своим жестким контролем. Возьмем пример из московской криминальной хроники. Несколько месяцев назад одна группа рэкетиров пошла войной на другую, стенка на стенку, силой оружия утверждая сферу своего влияния. Точнее, сферу своего грабежа вновь нарождающегося кооперативного движения. Простая, но достаточно трагическая история: в самом деле, в центре Москвы, в районе Рижского рынка, на виду у всего честного народа началась стрельба. Рэкет — неотъемлемая часть теневой экономики. Если по-государственному, а не демагогически объявлять войну рэкету, то с ним можно будет управиться за год. Основной источник доходов рэкетиров — кооператоры.

Но они очищают и крупных взяточников, расхитителей, казнокрадов. Помнится, когда мы расследовали уголовное дело по закавказским миллионерам в Чечено-Ингушетии, то установили, что некоторые уголовники собирали с местных подпольных миллионеров постоянную дань. Приходили к ним домой или на работу и требовали десятки тысяч «налога». И те вынуждены были давать, потому что разговор шел в открытую: если «взносы» не будут получены в срок, то подпольная фирма подвергнется разоблачению. Там был цех по изготовлению разной галантереи — маечек, трусиков, платков... Разумеется, эта пользующаяся спросом продукция нигде не учитывалась. Подпольные бизнесмены вынуждены были отстегивать часть своих неправедным путем добытых прибылей из месяца в месяц, из года в год, обогащая своих вымогателей. Но рэкетиры используются также нашими «капиталистами» для сведения счетов с конкурентами. Рэкетиров нанимают для поджогов, избиений, убийств тех, кто мешает «крестным отцам» делать деньги. На юге за найм надо выкладывать десятки и порой сотни тысяч рублей, на севере убийство конкурента стоит дешевле. Однако в связи с инфляцией расценки поднялись. Там действует свой индекс цен. Деклассированная часть преступного мира — рэкетиры — выполняет в основном грязную работу на самом дне. Но без молодчиков-боевиков преступный механизм всей теневой экономики сорвется.

В. Б. Война идет исключительно из-за денег?

Т. Гдлян. Исключительно. Как вы понимаете, там нет идейных соображений. Этими людьми движет частный интерес к обогащению. Только на этом держится рэкет. И этим умело пользуется высший эшелон расхитителей и коррупционеров.

В. Б. Вы сказали и о сферах влияния.

Т. Гдлян. Каждая из таких групп, естественно, имеет свою географию. В их распоряжении оружие, «силы быстрого реагирования», свои способы выколачивания денег. Объединяющим началом всего этого преступного конгломерата являются деньги, золото...

В. Б. Запрещать, выходит, не удается даже самые гнусные пороки. Однако милиция с теневой экономикой борется. С другой стороны, Министерство внутренних дел информирует нас о случаях срастания работников правоохранительных органов с мафией. Так нужно ли вообще наказывать тех, кто заполняет пустоту на рынке товаров и услуг? Может быть, милиции стоит отдохнуть?

Т. Корягина. Я бы в первую очередь создала законы, которые позволяют развиваться нормальным отношениям, четко охарактеризовала бы запрещенные виды деятельности. А все остальные попробовала бы легализовать. Только исправно плати налоги государству или местным властям, честно декларируй свои доходы, соблюдай правила санитарии своего производства и тому подобное. Словом, сделала бы все, чтобы оградить потребителя от чрезмерной алчности производителя и его недобросовестности.

Т. Гдлян. Конечно, представители «теневой экономики» в целом менее опасны для государственных устоев, чем представители правоохранительной системы, подкупленные функционерами теневой экономики. Надо дифференцированно наказывать тех, кто преступил закон, независимо от того, представляет ли человек теневую экономику или правоохранительную систему.

В. Б. Если обнаружилась некоторая связь между теневой экономикой и привилегиями, то, может быть, существует связь между теневой экономикой и кооперативами?

Т. Корягина. Кооперативы — это элемент рыночной экономики. Но

очень важно, чтобы миазмы разложения государственной системы хозяйствования не перекинулись на кооператоров. К сожалению, нередко мафиозные группировки, которые процветают на ниве кооперации, оказываются родом из госторговли, госаппарата, гостранспорта... А в сущности, кооперативы — признак безусловно здоровой экономики.

В. Б. И наконец, скажите, пожалуйста, при каких условиях экономика перестает отбрасывать тень, порождая экономику тайную? Сумеет ли нынешнее поколение советских людей забыть этот тревожный термин? Каковы прогнозы ученых и специалистов-практиков на этот счет?

Т. Корягина. Нет, не сможет нынешнее поколение советских людей забыть этот термин. Благоприятный прогноз состоит в том, что нам удастся существенно сократить масштабы теневой экономики. Для этого нужно видоизменить формы собственности. Легализовать частную, мелкую собственность. Снять многие рогатки в государственном секторе и в кооперации. Это нужно для того, чтобы человеку приходилось меньше хитрить в сфере производства и торговли.

Т. Гдлян. Как ни странно, я настроен более оптимистично, чем Татьяна Ивановна. Убежден, что если мы по-хозяйски, умно, на научной основе изменим свою экономику, политическую структуру власти, оздоровим моральный облик народа и начнем использовать гигантские природные богатства и не станем пускать их налево, то сумеем в недалеком будущем избавиться от термина теневая экономика. Я не хочу быть свидетелем развала государственности, я хочу быть активным участником его возрождения.

В. Б. Спасибо вам обоим. Теперь читатели наверняка знают больше о теневой экономике и наших подпольных миллионерах.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Маргарита Волина

ДЕТСКИЙ МИР?

В «Детском мире» всегда столпотворение. Наибольшая толчея и давка у секции с игрушечным оружием.

— Дайте, пожалуйста, мне вот это!.. Розовенькое с зелененьким... Спасибо! А что это такое?

— «Амфибия» с двумя пулеметиками и с солдатиками.

— Я думала: зелененькие — огурцы.

— Какие же огурцы, раз они с головами?

— Мне для двухлетнего.

— «Амфибия» для детей от трех до семи лет.

— Мамаша! Не задерживайте продавца! Вы сами не знаете, чего хотите!

— Деда! Я хочу танк! Смотри, как он крутится!

Танк на прилавке разворачивается, из жерла орудия, направленного на пап, мам, дедов и бабок, вылетает огонь...

— «Танк КН-70» — электромеханическая игрушка с пультом управления,— объясняет продавщица,— для детей от трех до семи лет.

— Мне вчера будет пять! — малыш рвется из рук деда.— Я хочу танк с пультом, автомат с пулями, пистолет и каску с красной звездой!

— Солдат растет! — улыбается дед.— Все бы ему стрелять и пулять!

— Разрешите и мне автомат...

— Какой?

— А есть разные?

— Автомат «Зарница» имитирует звуком стрельбу. Автомат с ракетой бьет по цели...

— Пулями?

— Ракетой.

— А если ракета кому-нибудь в глаз попадет?

— Ничего страшного — она с резиновым наконечником.

— А вот этот... железный танк электро или заводной?

— Игрушка для самых маленьких: танк самоходный, его тянут за веревочку...

— И подводную лодку за веревочку?.. Покажите мне пистолет!

— Это не пистолет, а пугач!

— А чем он от пистолета отличается?

— Пистолет с лампочкой — при нажатии спускового курка лампочка вспыхивает...

— А у пугача курка нет?

— У вас глаз нет,— слегка раздражается продавщица,— а курок вот он! Возьмите пугач в правую руку и указательным пальцем нажмите на курок. Щелчок имитирует звук выстрела.

— Моему внучку полтора годика, он не сумеет...

— Раз — не сумеет, два — не сумеет, а в третий раз так щелканет — закачаетесь! — смеются в очереди.

— Нет, я лучше возьму танк... на веревочке.

— Скажите,— обращаюсь я к продавщице,— а тяжелых бомбардировщиков сегодня в продаже нет?

— Чего?

— На прошлой неделе у вас продавались бомбардировщики...

— Трехмоторные самолеты военного образца имелись, но без бомб...

— А отдельно бомб для самых маленьких у вас нет?

— Каких бомб?

— Наподобие ядерных или водородных?

Продавщица не понимает:

— Звуком имитирующих взрыв, а световой вспышкой огонь?

— Нет...

Выдираюсь из очереди сильно помятая и отчасти удивленная отсутствием в продаже игрушечных водородных бомб.

В отделе настольных игр (изделия Московской фабрики офсетной печати) бомб, ни ядерных, ни водородных, я тоже не нашла, но звено бомбардировщиков на крышке коробки сразу бросилось в глаза.

— «Внимание — цель!» — игра для детей младшего школьного возраста. (Автор А. Платонов. Однофамилец и, может быть, тезка Андрея Платонова?!) Художник Н. Ермолиев.

На листке-вкладыше детям предлагается вообразить, что в игре «проводятся большие маневры», в которых участвуют авиационные, танковые, ракетные подразделения. Самолетам-ракетоносцам поручено особое задание — обезвредить крупные силы противника в районе высоты Н. Самолеты вооружены грозными ракетами «Воздух — Земля»...

Другая коробочка — тоже для младшего школьного... «Идут танки». Автор В. Арутюнян. Художник В. Маркин. «Игра состоит из игро-

вого поля, восьми фигурок-танков, четырех самолетов, шести ракетных установок, восьми фишек-мин и кубика... Задача играющих провести танки через игровое поле и занять позиции противника».

До сих пор я думала, что бывают фигурки людей, с натяжкой — зверей и геометрические фигуры. «Фигурки» танков — что-то новое, в остальном — давно знакомое обучение детей вместе с азбукой военному делу.

«Морской бой». Автор Е. Бриллинг. Художник А. Беслик. «В игре два игровых поля, две заградительные стенки, трамплин, двадцать карточек и десять блошек-снарядов».

Лепешечки кремового цвета, похожие на таблетки, и ребенку трудно будет понять, почему снарядик — «блошка»! («Блошка» — уже метафора.) В остальном все ясно-понятно: бей, малыш, снарядами по кораблям! Взрывай их! Топи! Будь готов дать отпор любому врагу! Знай с пеленок: война неизбежна! Отбросив соску — бери в руку пугач и стреляй по «врагам»!

А надо ли малышу «стрелять по врагам»?

Надо ли Московскому комбинату игрушек, по оригиналам издательства «Малыш», снабжать детей «фигурками» танков, снарядами-«блошками» и ракетами «Воздух — Земля»?

Так ли необходима трехлетке «Амфибия» с двумя пулеметиками производства московского завода пластмассовых игрушек «Малыш»?

На мой взгляд, единственное достоинство военных настольных игр Московской фабрики офсетной печати — серая скука.

Малыши в эти игры не играют! «Морские бои», «Идут танки», маневры «Внимание — цель!» своей цели не достигают и пылятся на полках.

Неудачна и «Амфибия». Солдатики-огуречки вываливаются из гнезд, пулеметики не стреляют. Игрушка не пользуется успехом.

Танк КН-70, сделанный на московском опытно-экспериментальном заводе «Огонек»,— выше всяких похвал. Автомат «Зарница» минского объединения «Мир» (?!) совсем как настоящий!

Ворошиловградский станкостроительный завод поставлял в Москву первоклассные игрушечные бронетранспортеры и танки. Сейчас, причину не выяснила, не поставляет. Но и без Ворошиловградского завода (когда, наконец, город избавится от имени верного сталинца?) московская ребятня оснащена всеми видами современного оружия. Не хватает лишь ядерного и химического с ароматом черемухи!

...Обойдя кипящую, выбирающую игрушки очередь, проталкиваюсь сквозь толпу, осаждающую отдел выдачи, и, притулясь с края прилавка, прошу продавщицу данного отдела уделить мне несколько минут. Девушка с готовностью соглашается. Я излагаю довольно бессвязно ей свои мысли и спрашиваю, разделяет ли их она. Девушка отвечает на вопрос вопросом:

— По-вашему, игрушечное оружие надо запретить продавать?

— Да,— говорю твердо,— запретить!

Она не успевает мне возразить, как раздаются голоса:

— Мальчишки испокон веков в войну играли и будут играть!

— Пока я своему сабельку не приобрела, он палками «врагов» дубасил!

— Отними у мальчонки автомат — он рогатку смастерит!

Девушка убегает и сейчас же возвращается... с мушкетом, очень изящно выполненным.

— Объединение «Норма». Таллинн. Запретить?!

— Запретить!

Вокруг хохочут:

— И «Трех мушкетеров» Дюма запретить?!

— Мушкеты, сабли, луки со стрелами по сравнению с современным оружием — именно «детские игрушки»...

Продавщица вновь срывается с места и вновь возвращается с миниатюрной игрушкой-сценкой: в картонной нише за прозрачной пленкой витязи на вздыбленных конях с пиками в руках.

— И витязей запретить! Картину «Три богатыря» из Третьяковки убрать?!

Ухожу, а вслед мне почти улюлюканье: спятила бабка-мадам — игрушечное оружие запретить!

Мы много говорим о перестройке сознания взрослых, когда же мы обратим внимание на настройку сознания малышей? Песталоцци утверждал: «Детей надо воспитывать за двадцать пять лет до их рождения». Десятки лет у нас дети воспитывались в духе милитаризма. Да не только у нас! Настала пора, давно настала отказаться от такого воспитания.

Детей надо не приучать играть «в войну», а отучать. Человечество уже доигралось! Второй Ноев ковчег не выйдет из ядерного потопа. Победителей в атомной войне не будет.

Зачем же сразу после пуховой шапочки напяливать на детскую головку каску юнармейца? Зеленую, полиэтиленовую, с красной звездой. Звезда не спасет от ядерного взрыва, а любая война может окончиться ядерной катастрофой.

Но оставим далеко идущие прогнозы. Допустим, подготовка детей к службе в армии необходима. Ну а зачем малышу пугач? Оружие не армейского образца, и цена невелика — 70 копеек. Пугачи нарасхват! А зачем малышу кого-то пугать?

Пресса, радио, телевидение не устают напоминать: преступность растет! Изнасилования с убийством, ограбления с применением огнестрельного оружия участились.

А что такое игрушечный пугач? Модель орудия убийства. Разумеется, не все ребята, стреляющие из пугача, вырастают грабителями и убийцами. Но все грабители и убийцы в детстве особенно рьяно размахивали пугачами и с наслаждением убивали понарошку сидящих в песочнице малюток...

Детский мир современного ребенка не умещается в стенах универмага на площади Дзержинского. Мир детей конца двадцатого века велик и многообразен. Он уходит в космос, в недра земли и в глубины океана. Телевидение, радио, видео снабжают ребенка такой информацией, от которой сто лет назад и взрослый бы человек спятил! Современному малышу хоть бы что!

— Расскажи про микробов! — в который раз требует от меня пятилетний Илья. И я в который раз рассказываю об изобретателе микроскопа Левенгуке, разглядевшего под увеличительным стеклом в капле воды забавных козявок, о вирусах, найденных совсем недавно...

Перед тем как заинтересоваться микромиром, Илья допрашивал меня, почему Земля крутится вокруг Солнца, а не наоборот. Микробы — последнее увлечение Ильи.

Ему купили игрушечный микроскоп. Не помню, в «Детском мире» или еще где, но «козявок» в капле воды под этим микроскопом никто не увидал.

— Купите мне настоящий!

Настоящие микроскопы частным лицам не продаются. Игрушечный

микроскоп — бросовая дрянь! Никакого сравнения с автоматами и танком КН-70.

Что я предлагаю? Заменить каску юнармейца, к примеру, каской шахтера с лампочкой. Представляете радость малыша, когда она вспыхнет? Танк — бурильной машиной. «Амфибию» с двумя пулеметиками — батисферой. Пусть малыши не бьют снарядиками-«блошками» по кораблям, а спасают моряков и рыбаков, потерпевших кораблекрушение.

Однажды на детской площадке, где ребята гонялись друг за дружкой с автоматами, я сказала: «Ну что за радость в стрельбе? Настоящая стрельба — это убийство. Война настоящая — не радость, а ужас, боль, страдания... Зачем вам играть в войну?»

Малыши задумались.

— Давайте играть в разоружение! — сказал Илья.

Малыши свалили автоматы в беседку.

— Вы саперы! — сказала я.— Ищите захороненные в земле мины и обезвреживайте их...

С той же страстью и самоотдачей, с какой ребята только что стреляли друг в друга, они принялись искать мины в песочнице и возле нее.

...Вчера дед Илюши купил ему новый автомат.

Игра в войну на детских площадках и в детских садах продолжается.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ИСТОРИЯ, ОТ КОТОРОЙ НЕ ОТМАХНЕШЬСЯ

В «Горизонте» № 7 за 1989 год напечатаны удивительные стихи Бориса Чичибабина. Каждое — образец подлинной гражданственности. Мне хотелось бы в качестве комментария к стихотворению «Сожаление» привести три письма из архива А. Н. Толстого. Алексей Толстой был депутатом Верховного Совета СССР, и к нему часто обращались репрессированные люди, их родные и близкие. Были письма, так сказать, и более общего характера, обращения к Толстому-писателю. Образцы таких писем мне и хотелось бы представить вам. Два письма — анонимные, но простим корреспондентам Толстого их анонимность. Вспомним, что они были написаны в 1937—1938 годах, то есть в пик «большого террора».

Ноябрь 1937 г.

Алексей Толстой!

Сегодня я сняла со стены ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование. Самое тяжелое — потеря друга. И то и другое я испытала сегодня. Еще вчера я, если можно так выразиться, преклонялась перед вами. Я ставила вас выше М. Горького, считала вас самым большим и честным художником. Андре Жид писал: «...я хотел бы всю жизнь, при малейшем ударе издавать звук чистый, честный и подлинный: все люди, которых знаю я, звучат фальшиво...» Вы казались мне тем инструментом, который никогда, ни в каких условиях не может издать фальшивую ноту. И вдруг я услышала вместо прекрасной мелодии захлебывающийся от восторга визг разжиревшей свиньи, услышавшей плеск помоев в своем корыте... Я говорю о вашем романе «Хлеб», содержание которого я прочла в «Лит. газете» *. Мне стало стыдно, горько и очень-очень больно. Ведь вы наблюдательный, умный, чуткий человек с огромным сердцем, вы, написавший «Гадюку», «Любовь», «Хождение по мукам», «Морозную ночь», вы, так умевший передать всю «милую тяжесть любви», проникший в тайное тайных человеческой души и с опытностью мастера разбирающийся в сложной механике Жизни... И вдруг вы вступили в свору завывающих с пеной у рта подхалимов, двурушников, разбивающих лоб от усердия кликуш... Неужели вы не видите объективной действительности? Где ваша орлиная зоркость? Андре Жид за два месяца пребывания в СССР сумел разглядеть то, чего не увидели вы, живущий здесь постоянно. Как не стыдно вам присоединяться к хору, вопящему, что «у нас светлая, радостная, счастливая жизнь, данная нам любимым Сталиным». Неужели вы не чувствуете всей духоты атмосферы, в которой задыхается 170 000 000 советских людей? Неужели вы не видите буквальной нищеты во всем Союзе? Или вы оторвались от подлинной жизни? По всей стране волной разлилась реакция. Лучшие люди, преданные ленинской идее, честные и неподкупные, сидят за решетками, их арестовывают тысячами, расстреливают, они не в силах перенести грандиозную Подлость, торжествующую по всей стране, сами уходят из жизни, кончают самоубийством.

Свобода слова!..— смешно писать эти слова, когда у всех во рту глухой кляп.

Свобода печати — а вся печать унифицирована.

Демократизм заменен централизмом.

Искусство...— бедные художники, они работают из-под палки.

История... Как ее извращают! В угоду необъятному честолюбию Сталина подтасовываются исторические факты. И вы тоже приложили свою тонкую руку, тоже стали заправским подпевалой. Ведь в «Хлебе» вы протаскиваете утверждение, что революция победила лишь благодаря Сталину. У вас даже Ленин учится у Сталина... Ведь это прием шулера. Это подлость высшей марки!

Произвол и насилие оставляют кровавые следы на советской земле. Диктатура пролетариата превратилась в диктаторство Сталина. Страх — вот доминирующее чувство, которым охвачены граждане СССР. А вы этого не видите? Ваши глаза затянуты жирком личного благополучия, или вы живете в башне из слоновой кости?.. Смотрите, какая комедия — эти выборы в Верховный Совет... Ведь в них никто не верит. Будут избраны люди, угодные ЦК ВКП(б). Назначенство, а не выборы, ведь это же факт. Предвыборная борьба... С кем бороться? Против кого? Где она? Сплошной фарс!

Партия ушла от массы, превратилась в диктаторскую партию. Сейчас честные люди не идут в партию. Идут в нее лишь карьеристы и люди беспринципные, аморальные.

Вы показываете Троцкого предателем. Вы негодяй после этого! Пигмей рядом с этим честнейшим гигантом мысли! Ведь это звучит анекдотом, что он и тысячи благороднейших людей, настоящих большевиков, сейчас арестованных, стремились к восстановлению у нас капиталистического строя... Этому не верит никто! Как вы не замечаете, что сверкающая идея Ленина заменена судорожными усилиями Сталина удержать власть. Где тот великолепный пафос, что в Октябре двинул миллионы на смертельную битву? Под зловонным дыханием Сталина и вот таких подпевал, как вы, вековая идея социализма завяла, как полевой цветок, в потных руках мерзавца! И вы, инженер души человеческой, трусливо вывернулись наизнанку, и мы увидели неприглядные внутренности продажного борзописца.

Вы, увидя вакантное место, освободившееся после смерти М. Горького, чтобы его занять, распластались в пыли, на брюхе поползли, расшибая лоб перед Сталиным, запев ему хвалебные гимны. Где же ваша беспристрастность? Где честность художника? Идите в народ, как Гарун аль-Рашид, и послушайте чутким ухом. И вы услышите проклятия и неприязнь по адресу Сталина. Вот где настоящая правда!

Или, может, вас прикормили? Обласкали, пригрели, дескать, Алеша, напиши про Сталина. И Алеша написал. О, какой жгучий стыд!

Оглянитесь кругом и вы увидите, что небо над страной готовит бурю. Народ не потерпит глумления над собой, над идеей социализма, он ударит по зарвавшейся, обнаглевшей кучке деспотов. Уже сейчас, как рокот дальнего грома, доносятся отовсюду отголоски брожения в массах. Сталин это слышит. Он знает, что не долго ему еще царствовать. И с ним началась истерика. Он не чувствует под собой почву. Массовый террор — ведь это доказательство слабости.

Наступит время, и ветер истории сбросит вас с пьедестала, как литературную проститутку. Знайте, что уже сейчас, когда люди прочтут ваш «Хлеб», они увидят, что ошиблись в вас, и испытают разочарование и горечь, какие испытываю сейчас я.

Я вас, как художника, искренне любила. Сейчас я не менее искренне ненавижу. Ненавижу, как друга, который оказался предателем.

И я плюю вам, Алексей Николаевич Толстой, в лицо сгусток своей ненависти и презрения. Плюю!!!

---

* Беседа с А. Толстым о его творческих планах была впервые напечатана в «Ленинградской правде» 22.X 1937 г., а затем под названием «А. Толстой закончил роман «Хлеб» перепечатана в «Литературной газете» 30.X 1937 г.

* * *

Козуб — А. Н. Толстому
5 мая 1938 г.

Товарищ Толстой!

Вы хороший писатель, это правда, Вами все гордятся. Но вы бы имели еще больше любви от народа Дона и Украины, если б описали голодные годы 1932—1933. Описать это можно. Мне не верится, чтоб Вы не решились описать ту страшную сталинскую голодную пятилетку, от которой умерли с голоду миллионы людей. Когда есть факты, что матери ели своих детей (село Рудка Диканьского района Полтавской области*). Есть еще живые свидетели этих голодных трагедий, и они могут рассказать Вам.

Думаю, что и на Дону тоже это было. А повесть была бы хорошая. Ждем от Вас этой книги.

Народ любит таких писателей, которые пишут одну правду. Но которые пишут неправду, подхалимничают под существующий строй и славят одно имя это Сталина, от которого плачут народы и который создал искусственную голодовку, от которой умерли миллионы 1932—1933 гг., таких писателей зовут «подпевалами» «попками».

Народу нужна Историческая правда.

Козуб

* * *

Москва, редакция «Правды», Алексею Толстому.
22 ноября 1938 г.

Многоуважаемый товарищ!

Мы все возмущены варварским поступком по отношению к евреям, проживающим в Германии. Но они могут кричать, вопить, и весь цивилизованный мир, в том числе и Вы, уважаемый писатель, можете протестовать и возмущаться. Но я не думаю, чтобы Вы не знали, что делается у нас и в наших лагерях. Они кричать не могут, ибо большинство там — женщины, уже обезумевшие от страха, невинные, оторвали от них крошечных детей, приказали подписаться на приговоре, а то еще избивали. В страшных условиях живут они, эти несчастные женщины, не имеют право написать: за что? за что? за что?! Сто раз хуже, чем в Германии. 30% умирают в мучениях.

Эти документы из архива А. Толстого, хранящиеся в ЦГАЛИ, будут опубликованы в сборнике, подготовленном историко-просветительским обществом «Мемориал» совместно с издательством «Книга».

Елена Литвин,
научный сотрудник отдела рукописей
ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР

---

* Вот свидетельство жителя г. Черкассы С. Латышева, обнародованное недавно: «Картина, которую я увидел апрельским утром 1933 г., потрясла меня, 20-летнего студента, и осталась в памяти на всю жизнь. Это было на Украине, в с. Ефремовка Харьковской области, в голодное лихолетье.

Я зашел в одну из хат и онемел.

У самой стены на деревянной лавке лежал почти высохший ребенок лет пяти-шести, над ним наклонилась мать, держа в руках нож, и с трудом старалась отрезать ему голову. Нож и руки были в крови, ребенок конвульсивно дергал ногами. Она меня не видела, но инстинктивно почувствовала присутствие постороннего. Медленно повернулась в мою сторону и тут же с ножом бросилась ко мне. ...Ее руки и ноги были настолько худы, что, казалось, вот — переломятся. Она подняла на меня нож и тут же упала как подкошенная.

Не помню, как я выскочил из хаты и сколько времени бежал. Пришел в себя только в дверях сельского Совета. Председатель и двое дежурных, еще не успевших отощать, хотя голод коснулся и их внешности, равнодушно заметили, что случаи, когда родители ели своих детей, в селе не единичны...»

(Аргументы и факты, 1988, № 32, с. 6)

«ОДНУ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, МОЯ СУЖЕНАЯ СЕРАЯ ЗЕМЛЯ...»

Интервью с Александром Зиновьевым

Соедините Бердяева, Щедрина и Высоцкого, и вы, возможно, получите известное представление о Зиновьеве. Он в чем-то воплощает ушедший в прошлое тип русского интеллигента-разночинца со всеми его противоречиями. Выходец из патриархальной крестьянской семьи и блестяще образованный философ, тонкий аналитик и поэт-популист, не чурающийся самых острых выражений. Как сочетается высокая культура с распиванием пива на грязном ящике вместе с корешами-забулдыгами — загадка того общества, бардом и обвинителем которого он стал.

В разгар брежневского застоя он, профессор, доктор наук, рискнул опубликовать в западном издательстве книгу, в которой издевался над увешанным звездами «ефрейториссимусом». Это стоило Зиновьеву, добровольцу в годы войны, лишения не только ученых степеней, но и боевых наград, которые он заслужил на фронте.

Пером Зиновьева написано больше 20 книг. Но в СССР изданы только его работы по логике, остальные книги — «Светлое будущее», «Зияющие высоты», «Записки ночного сторожа», «Живи» — исключительно за рубежом. Кого-то они восхищают, кого-то шокируют, даже оскорбляют; одних побуждают глубоко задуматься, других — не менее глубоко возмутиться. Зиновьев-сатирик беспощаден, другой вопрос — всегда ли, изобличая, он справедлив.

Он и сейчас не скупится на сарказм, как бы заклиная от бед свою родину, которую он, бичуя ее пороки, вынужден был покинуть. И все-таки к ней он испытывает ностальгию. Став материально благополучным, духовно он так и не врос ни в Запад, ни в эмиграцию, он остался русским.

Недавно я встретился с ним в его мюнхенской квартире. Там и родилось это интервью.

Евгений АМБАРЦУМОВ

Е. А. Мы знакомы с тобой очень давно, я уже не помню, когда ты уехал, но помню очень хорошо, что ты был доведен до крайности, загнан в полную изоляцию. Я тебя встретил в книжном магазине, и ты удивился, когда я с тобой тепло поздоровался, а я удивился твоему удивлению. Тогда ты мне рассказал, что только что звонил своему старому коллеге, а тот сказал: «Вычеркните мой телефон из вашей записной книжки». И бросил трубку. Как все это произошло, с чего началось?

А. З. Началось это очень давно. В 1976 году на Западе была напечатана моя первая «литературная» книга «Зияющие высоты». В наказание за это я был уволен с работы, лишен буквально всего. В 1978 году мне предложили в течение нескольких дней покинуть страну, угрожая в противном случае тюрьмой и ссылкой. Жить нам с женой и дочерью было не на что. Никакой надежды получить работу по профессии не предвиделось. И я принял «предложение» властей. Вскоре меня лишили советского гражданства. С тех пор живу в ФРГ.

Е. А. Ты ведь философ — логик по специальности, профессор, док-

тор наук, работал в секторе логики в академическом Институте философии. Почему ты стал заниматься литературой?

А. З. Склонность к литературному творчеству я имел с детства. В юности сочинял стихи, тексты для карикатур и фельетоны в стенных газетах. В 1946 году сделал попытку напечатать повесть. Но обстоятельства сложились так, что мне пришлось уничтожить рукопись, дабы уцелеть. Одновременно с логикой и философией занимался социологией, а также устным литературным творчеством. Часто выступал с публичными лекциями, превращая их в своего рода концерты. Снабжал литературными отступлениями мои уроки в школе и лекции в институтах и в университете. Никакого намерения стать писателем у меня не было. Писать что-то в традиционном стиле и в рамках дозволенного я не хотел. А напечатать то, на что я был способен и что соответствовало моему вкусу, было невозможно, и я это прекрасно понимал.

Работал в логике я весьма успешно. Мои книги издавались на западных языках. Меня цитировали, приглашали на международные конгрессы, но за границу не выпускали. Я был захвачен научной и педагогической работой и был вполне удовлетворен ею. К началу 70-х годов у меня назрел конфликт с учеными-коллегами, не принимавшими мою логическую школу. Коллеги-оппоненты, как водилось тогда, использовали в споре административные рычаги. Я фактически лишился возможности продолжать научную работу в логике и преподавать. Образовалось свободное время. И я начал писать «Зияющие высоты». К этому я был подготовлен всей предшествующей жизнью. Убедившись в том, что я способен создавать литературные произведения, соответствующие моему менталитету, вкусу и идейным установкам, я продолжил писательскую деятельность и в эмиграции.

Е. А. Прости, я перебью. Чисто фактически, насколько я помню, ты был заведующим кафедрой логики в университете.

А. З. Да, но меня лишили этой кафедры. Ситуация сложилась для меня такая, что меня к тому же фактически запретили печатать в Советском Союзе. Дело доходило просто до анекдотов: по моей теме проходили симпозиумы, а меня на них не приглашали и не пускали.

Е. А. Как бы ты назвал свою специальность, свое направление работ в логике?

А. З. Я создал свою собственную концепцию — это вариант неклассической логики.

Е. А. Ну а как это объяснить широкому читателю?

А. З. Я полностью пересмотрел всю логику, основания логики, ее структуру, ее формальный аппарат. Непосвященному читателю это трудно объяснить. Но мои книги были напечатаны в Советском Союзе, и желающие их могут посмотреть.

Е. А. Насколько я помню, твои работы очень ценили за рубежом, не только литературные, но и логические. Помню одного норвежца, который на политологическом конгрессе в Москве посвятил твоему подходу, твоему пересмотру логики специальный доклад.

А. З. Да, таких выступлений в свое время было очень много. Дело в том, что я стал одним из самых цитируемых советских философов на Западе. Я получал личные приглашения на все международные конгрессы. Это вызывало раздражение у моих коллег, и они сделали все, чтобы помешать росту моей популярности.

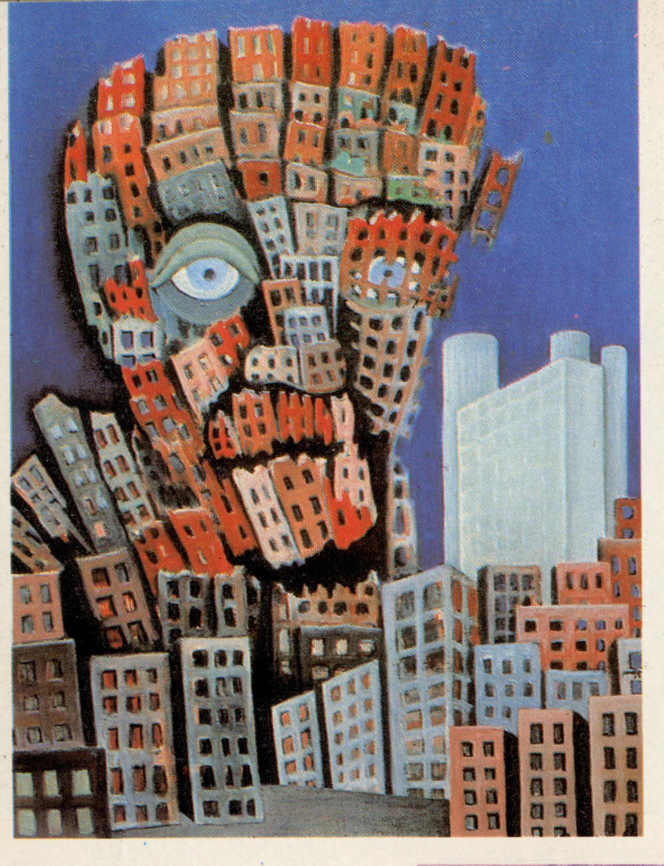
Е. А. Помню, я тебя встретил где-то в начале 70-х годов, и ты сказал, что вот получил 49-е приглашение, и тебя не пустили в очередной раз, и что если будет 50-й отказ (я уже не помню, как ты точно выразился), то ты им подложишь бомбу.

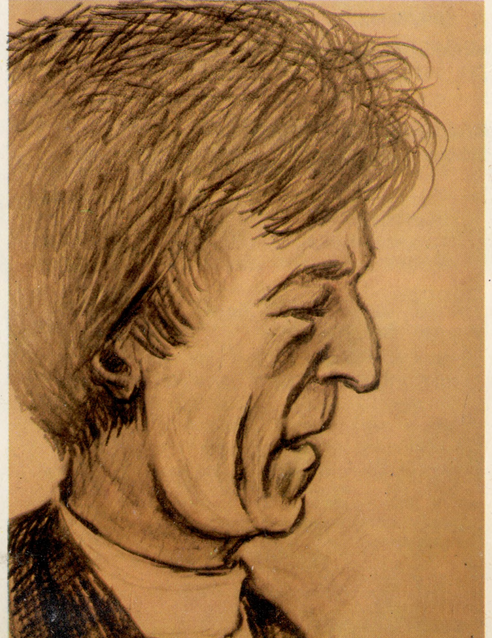
Л. БРЕЖНЕВ. «ЕФРЕЙТОРИССИМУС». До 1976 года

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ. После 1980 года

ГОМО СОВЕТИКУС НА ЗАПАДЕ.
Обложка книги «Гомо советикус».
После 1978 года

ПИАНИСТ
ВЛАДИМИР АШКЕНАЗИ.
После 1985 года

А. З. Я сказал тогда, что взбунтуюсь. Так и произошло. Меня избрали за мои логические исследования в Академию наук Финляндии. В Финляндии должен был состояться симпозиум по логике. Огромная советская делегация поехала — человек 50. Но меня, члена Финской академии наук и признанного на Западе специалиста, не пустили. И я заявил публичный протест — сделал заявление журналистам. Что касается книги, то я начал ее писать еще раньше, но судьба ее мне была неизвестна в то время. Рукопись мои друзья переслали на Запад. Но что с этой книгой происходило, я понятия не имел. И лишь позднее узнал, что она напечатана.

Е. А. Но сначала закончим с твоим выездом. Действительно, ты был поставлен в безобразное положение. Но, с другой стороны, я помню, тебя даже наградили медалью, когда был юбилей Академии наук.

А. З. Именно это характерно было для моего положения: полупризнание, но одновременно полунаказание. Все время что-то промежуточное. Меня представляли к ордену, но какие-то инстанции занизили и дали медаль. То есть дали награду, от которой нельзя и отказаться, и вроде стыдно получать в моем положении, в моем возрасте — все равно, что лет в 50 получать чин ефрейтора в армии.

Е. А. Ладно. Дальше происходило следующее: рукопись твоей книги издали за рубежом. Одновременно или раньше ты заявил протест против невыпуска тебя за границу. Проблема чрезвычайно важная для интеллектуала, для человека мыслящего: возможность путешествовать, общаться с людьми...

А. З. Я заявил протест не потому, что мне хотелось за границу. Я никогда не хотел за границу.

Е. А. Но сам факт унижения?..

А. З. Да, это для меня было унизительным, и поэтому я взбунтовался. Книгу же «Зияющие высоты» я написал в 1974—1975 годах, написал ее буквально за шесть месяцев.

Е. А. Но она огромная, как ты успел?

А. З. Я писал ее по 10, иногда по 20 часов в сутки. Материал у меня в голове уже накопился. Я не рассчитывал на то, что книга будет напечатана, что она будет иметь какой-то успех,— просто хотел сохранить рукопись. Я тогда сказал моим близким друзьям, что, если десять человек когда-нибудь прочитают эту рукопись, я буду удовлетворен. Но вот рукопись оказалась за рубежом. Должен сказать, что все русские издательства на Западе отказались ее печатать, все без исключения. Она случайно попала потом к одному французскому издателю. Он живет в Швейцарии, издает книги по-французски и продает их во Франции. Он и решил опубликовать мое творение. Книга вышла, произвела сильное впечатление. Как писали газеты, Зиновьев ворвался на небо мировой литературы как метеор. Книга сразу была переведена на многие языки.

Что за этим последовало? В Москве от меня отказались все мои бывшие друзья и знакомые, за редким исключением. В частности, я, пользуясь случаем, хочу напомнить, что ты не порвал дружеские отношения со мной, я это не забыл. Это — главная причина, почему я сейчас даю интервью. Если бы на твоем месте кто-то другой был, я бы разговаривать не стал.

Е. А. Спасибо.

А. З. Меня не только уволили с работы, но и лишили степеней, званий и наград. И все это было сделано незаконно.

Е. А. Помню, когда по этому поводу проходило собрание в Институте философии, где ты работал, меня поразило, что все послушно

проголосовали за эти санкции. Еще можно было понять, что исключили из партии, но лишать степеней, лишать военных наград, завоеванных кровью!..

А. З. Меня даже исключили из Философского общества, членом которого я не состоял. Меня лишили звания профессора в Институте философии, а получил я это звание в Плехановском институте. Лишили звания кандидата наук, а защищал я диссертацию в университете. Мы с женой подсчитали тогда, что было более 20 нарушений закона. Меня даже воинского звания лишили — я был тогда капитаном запаса.

Да всего лишили. Это было в высшей степени нелепо. Но лишь на первый взгляд. Дело все в том, что я был профессиональным философом. Я написал книгу со знанием дела, а моя среда это восприняла так, как будто я их выдал перед мировым общественным мнением. Между прочим, все, что я написал в «Зияющих высотах», все это я говорил в наших кругах, в застольных беседах, на попойках, даже в публичных лекциях. Забавно, что одна из самых острых глав «Зияющих высот» (глава о руководителе) была одной из моих публичных лекций в одном военном учреждении. Мне аплодировали. Рассматривали мою лекцию чуть ли не как новое веяние в практике советского руководства. Мое «преступление» перед моей средой заключалось прежде всего в том, что я предал гласности все то, что циркулировало в наших кругах.

Е. А. Для тебя не новость, если я скажу, что действительно многие из твоего окружения восприняли негативно, болезненно твою книгу, потому что ты под легко узнаваемыми кличками высмеял целый ряд своих приятелей, друзей, знакомых, причем показал их не в очень приглядном виде.

А. З. Это обвинение несправедливо. Я могу сослаться на других писателей. После каждого романа Бальзака куча людей возмущалась, кое-кто хотел даже вызвать его на дуэль, утверждая, что он их оклеветал. Кстати сказать, на роль прототипов моих персонажей претендовали очень многие люди. Скажем, я в жизни никогда не встречал Синявского, но и тот утверждал, что он является прототипом одного из моих персонажей. Но это не так. Даже Солженицын не есть прототип Правдеца. Все считают, что я писал моего Мазилу, имея в виду Эрнста Неизвестного. Неизвестный дал мне повод. Но все то, что я приписал моему Мазиле, Неизвестный никогда не думал и не говорил. Это исключительно все мои мысли. Помните, может быть: Гоголя както спросили, где он подсмотрел всех своих персонажей «Мертвых душ». Он ответил — нигде, все эти персонажи — это я сам. Так вот я могу сказать, что все персонажи «Зияющих высот» — это я сам. Но в разных ипостасях.

Е. А. Я в общем-то с тобой согласен. Я помню, что, когда мы с тобой встретились после выхода книги, я вспомнил тогда «Бесов». Достоевский изобразил там Тургенева под именем Кармазинова, но кого из читателей, кроме профессионалов-филологов и историков, сейчас это интересует? Сатира Достоевского никак не бросает тень на Тургенева. Так что я согласен, что в принципе этот прием допустим. Хотя он влечет и определенные издержки — обиду друзей, которых ты вывел в неприятном свете...

А. З. Ко всему прочему, я писал книгу, не имея возможности исправлять написанное. Листочки сразу исчезали. И я не смог ее отредактировать. Если бы мне представилась возможность переиздать книгу, отредактировав ее, я бы многое переделал так, чтобы люди, которые испытывают по отношению ко мне обиду, были лишены повода для этого. Личные аналогии мешают воспринимать произведение в целом.

Е. А. Я думаю, что новые поколения читателей, которые будут читать твои книги,— а я уверен, они появятся и у нас в стране — для них это уже потеряет значение. Они будут читать более объективными глазами, и для них будет не так важно, кто был прототипом или кто был среди прототипов того или иного персонажа.

А. З. Второе мое «преступление»,— по-моему, главное — заключалось в том, что книга моя имела успех. Если бы моя книга была плохой со всех точек зрения, меня так бы не наказали. Меня исключили бы из партии, может быть, перевели бы на другую работу. Но я продолжал бы жить и работать. Именно то, что книга получилась сильная, вызвало такую бешеную реакцию. У меня не было конфликта с властями, как у диссидентов. Я не был диссидентом. У меня назрел конфликт с моим социальным окружением.

Е. А. Саша, давай сразу уточним. Я помню, какое ошеломляющее впечатление на меня произвела книга. Я сам тебе тогда говорил, что она на уровне Свифта и Щедрина. Ты утверждаешь, будто у тебя не было конфликта с властями. Но когда ты создавал свой Ибанск и насмехался над «ефрейториссимусом», ты понимал, что это властями не будет воспринято спокойно?

А. З. Безусловно. Но дело в том, что я по натуре всегда был сатириком и юмористом. Я служил в армии, выпускал сатирические «боевые листки», стенгазеты. Я вел отдел сатиры и юмора в университетской стенгазете и в Институте философии. Так что это в моей натуре — быть сатириком. Сатира, разумеется, не может нравится никому, властям тем более. А социальная сатира есть прежде всего сатира на общественные отношения и на власти. Ты вспомнил Щедрина. Салтыков-Щедрин написал «Историю города Глупова». Я недавно перечитал эту его книгу. Поражаюсь, как такого человека терпели в России. Его наказывали, но как? Сослали вице-губернатором в Вятку. А после появления «Истории города Глупова» его дружбы добивались министры, сенаторы, генералы.

Е. А. Но, с другой стороны, на него обрушился Писарев, говоря, что издеваться над русским народом все равно, что издеваться над калекой или ущербным человеком.

А. З. Я не издеваюсь над русским народом. И никогда не издевался. Надо принимать во внимание специфику сатиры, особенно в тех условиях, в каких я писал книгу. В тех условиях любое критическое замечание воспринималось как клевета на советское общество и систему власти. Сейчас другое время, я думаю, что, если бы сейчас моя книга «Зияющие высоты» была опубликована, она была бы воспринята как литературное произведение, так же, как воспринимаются произведения Щедрина и Свифта. Свифт — острейший сатирик, он написал не только Гулливера, он написал массу других книг. Они остались жить как литература, а не как политические памфлеты.

Е. А. А теперь, Саша, вернемся к твоей биографии. Ты родился в какой семье?

А. З. В крестьянской.

Е. А. Распространялись слухи, будто ты то ли родственник Григория Евсеевича Зиновьева, то ли сын лесопромышленника.

А. З. Чепуха. Тот Зиновьев был Радомысльский, а Зиновьев был его псевдоним. Наш род — очень древний русский род. Мать моя была крестьянкой. Отец ходил на заработки в города, в Москву, малярничал, был простым работягой. Потом это стало его постоянной профессией.

Е. А. А он в Москве родился?

А. З. Нет, в Костромской области, в 600 километрах от Москвы.

Е. А. Ты тоже там?

А. З. Да. У нас была огромная семья. Я глубинно русский человек. И по происхождению, и по психологии. И должен сказать, по судьбе. Моя судьба есть характерно русская судьба. В каком-то смысле она может служить образцом. Если читать лекцию, допустим, о том, что такое русская судьба, то можно рассказать обо мне, и будет ясно, что это такое.

Е. А. Дубовый листок оторвался от ветки родимой?

А. З. Можно и так.

Е. А. Помимо того, что ты писатель, сколько профессиональных философских книг ты написал?

А. З. Трудно сосчитать, у меня всего, если учесть книги, изданные на иностранных языках, больше десяти штук. А литературных где-то более двадцати.

Е. А. Ты известен еще и у нас, и на Западе как художник. У тебя были здесь даже профессиональные выставки, изданы альбомы.

А. З. В литературе я могу конкурировать с крупнейшими писателями мира — это общепризнанно. Точно так же как в логике — я убежден в этом, я создал концепцию, которая, может быть, еще только через много лет будет понята и признана. Здесь я спокоен. Что касается изобразительного искусства, я тут конкурировать с профессионалами не могу. Я любитель. Было несколько моих выставок. Но эти выставки делают не потому, что я добился выдающихся результатов в изобразительном искусстве, а потому, что я рисующий писатель.

Е. А. Как у нас бывает, дочка твоя продолжает эту традицию, она ведь иллюстрирует твои книги?

А. З. Да, но и с ней я не могу конкурировать: Полина очень одаренная художница. У меня и старшая дочь Тамара — тоже профессиональная художница, она живет в Москве.

Е. А. Теперь опять по поводу твоих книг. Ты интересно сказал: проповедник. Может быть, с этим связано то, что присуще твоим книгам, что естественно для сатирика — заострение идей, даже доведение до абсурда. Вот сейчас я прочел с большим интересом твою предпоследнюю книгу «Живи»; и она меня не оставила равнодушным. Конечно, наша жизнь нелегкая сейчас. Но твой гротеск очень уж мрачен. Там ты употребляешь выражение «помойка». К сожалению, да, нередко мы живем как бы на помойке. Но возьмем такую ситуацию. Книги твои попадают к современной молодежи, становятся массовым чтением для нее. Не может ли это воздействовать угнетающим и разрушающим образом на еще неокрепшие души? Картины, где нет ни одного светлого пятна? Или, может быть, все-таки есть?

А. З. Да. Я понимаю. Это очень хороший вопрос. Меня постоянно упрекали в том. Но я рассуждаю таким образом. Во-первых, по-другому я не могу писать. Во-вторых, людей, которые пишут книги, порождающие оптимизм, без меня больше чем достаточно. И если я один напишу несколько книжек такого рода, человечество от этого не придет в состояние отчаяния. Наконец, я наблюдаю за реакцией на мои книги.

Я расскажу о двух случаях, когда мне люди сказали, что мой пессимизм оптимистичен. Первый случай — это была Надежда Мандельштам. Когда я встретился с ней, она держала в руках мою книгу и сказала, что она эту книгу ждала всю жизнь, что это ее книга, что, прочитав ее, она почувствовала некое облегчение, просветление. Другой случай — тоже пожилая женщина, француженка. Она подошла ко мне во время моего литературного фестиваля в Авиньоне и сказала,

что она «Зияющие высоты» читает как Библию. Она прочитала ее двадцать раз. И причем она сказала, что после прочтения самых мрачных мест книги ей становится легче. Мне кажется, что я все-таки стремлюсь говорить такую мрачную правду, которая является естественным элементом человеческой жизни. Человек не есть существо, все время находящееся в состоянии эйфории.

Е. А. В своих книгах и интервью ты затронул проблему Сталина и сталинизма. Я никогда не сомневался в твоем антисталинизме. И весь дух первой книги об этом свидетельствует, да и последующих книг тоже. Но из некоторых нашумевших интервью да и из последней книги создается впечатление, что ты оправдываешь коллективизацию, репрессии и, вообще говоря, изображаешь сталинизм как наиболее адекватное общество то ли идее социализма, то ли коммунизма. Что ты скажешь по этому поводу?

А. З. Проблема оценки сталинизма интересна как иллюстрация вообще моей жизненной позиции. Поэтому скажу на эту тему немножко подробнее. Ведь точно таким же является мое отношение к сегодняшнему состоянию Советского Союза. Я с юности был антисталинистом. В 39-м году меня арестовали за выступление против культа Сталина. До смерти Сталина моим главным делом была пропаганда антисталинизма. В Советском Союзе живут еще многие люди, которые это могут подтвердить. После смерти Сталина мой антисталинизм утратил смысл. Почему? Все вдруг стали антисталинистами. А я перестал им быть, помня, что мертвого льва может лягнуть даже осел. Я сказал это тогда, когда один бывший сталинист стал поносить Сталина.

Сталинская эпоха, сталинизм — сложные явления. И человеческое отношение к ним — разностороннее. Нельзя все сводить к одной какой-то формуле. У меня было личное отношение к Сталину, я даже одно время был членом террористической группки, которая собиралась убить его. Но во время войны, если бы от меня как от военнослужащего потребовали закрыть своим телом Сталина, я бы это сделал. И вовсе не из любви к Сталину. Есть, я бы сказал, мужское отношение к истории и к происходящему. Мертвый не может быть моим врагом. Я могу сражаться только против того, что смертельно опасно, что действительно в данный момент несет какую-то угрозу не только мне, но и окружающим людям.

Е. А. А ты считаешь, что сталинизм уже мертв, уже не представляет опасности?

А. З. Смотря как оценивать сталинизм. Я написал здесь книгу, которая называется «Нашей юности полет», где подробнейшим образом излагаю мою концепцию. За эту книгу меня здесь зачислили в сталинисты. В этой книге я оцениваю сталинизм и сталинскую эпоху с исторической и социологической точек зрения, отбросив все мои личные симпатии и антипатии. На мой взгляд, сталинская эпоха была страшная эпоха, но и великая, может быть, одна из самых великих эпох человечества. Сталин был злодей и все прочее, но и великий политический деятель. На мой взгляд — величайший политический деятель XX столетия.

Теперь о колхозах. Моя мать работала в колхозе. Я сам там работал и знаю, что это такое. Вместе с тем я оцениваю коллективизацию как выдающееся историческое явление. Вот возьми хотя бы такой пример. В результате коллективизации наша семья покинула деревню. Я стал профессором, мой брат — полковником, остальные братья стали инженерами, рабочими и т. д. И таких русских семей были миллионы. И миллионы русских семей пережили то же самое. Это сейчас легко

осудить коллективизацию. А перенеситесь в те условия и попробуйте решить какие-то важные проблемы жизни страны в тех условиях! Как говорил кто-то: каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. С точки зрения проблемы выживания страны в тех исторических условиях сталинская политика заслуживает не только порицания, но временами даже восхищения. Я не одобряю Сталина, но я отдаю ему должное. Я не защищаю Сталина, я защищаю правду об эпохе. Правду о сталинизме.

Е. А. Я тебя все-таки перебью. Честно тебе скажу, во-первых, мне не хочется, чтобы было превратное впечатление о тебе, и, во-вторых, никак не могу согласиться с тем, что ты сказал: величайший политический деятель. По каким критериям даешь ты такую оценку? По тому, что он перевернул Россию? Или по результатам его действий — скажем, выиграл войну? Но ведь неизвестно, если бы не он, может быть, вообще бы второй мировой войны не было. Или, допустим, коллективизация — величайшее событие. Ты говорил о своей семье. Но ведь миллионы семей просто физически погибли, для них ни о каком приходе в Москву не было речи. Не было речи просто о самом существовании.

И второе. Ты говоришь, что нельзя мертвого льва лягать. Но, к сожалению, сталинизм, идеи Сталина, как даже видно по нашим разговорам, не умерли, они глубоко засели в некоторых людях и в историческом сознании общества.

А. З. Все зависит от критериев оценки. Я же не говорю, что сталинизм — это хорошо, я же не говорю, что очень хорошее время было, что люди жили хорошо. Нет. Я говорю совсем о другом. Есть другие критерии оценки. Чингисхан был злодей, но он был выдающийся исторический деятель. Петр I тоже был великий исторический деятель, хотя сколько народу погибло, когда строился Петербург! В данном случае речь идет об оценке с точки зрения выживания страны, выживания социального строя. Я думаю, что, если бы Ленин прожил дольше, было бы гораздо хуже. Сталин понимал ситуацию в стране лучше, чем Ленин.

Е. А. Но разве не мог бы быть социализм с человеческим лицом или, скажем, с лицом более человеческим?

А. З. Социализм с человеческим лицом не бывает. Это вздор. Я думаю, что, если бы был не Сталин, а Троцкий, Бухарин или кто-то другой, страна погибла бы. Вторая мировая война была неизбежна. Германия все равно напала бы на Советский Союз. И страна не выдержала бы. Я пережил коллективизацию, пережил вторую мировую войну. Мне было нелегко, я видел, как страдала масса людей. Но я убежден, что любое другое руководство привело бы страну к катастрофе. Хорошо это или плохо — это другой вопрос.

Е. А. Во-первых, Россия не могла погибнуть — Германия все равно проиграла бы войну. И, во-вторых, разве коллективизацию, ее результаты и гибель миллионов людей в войне нельзя считать катастрофой?

А. З. Это не такой уж простой вопрос. Я не склонен упрощать его. Много людей погибло в войне. Страна не была подготовлена к войне. Но, как говорится, нет худа без добра. Потеряли огромную территорию, потеряли массу заводов и фабрик. Вместе с тем за кратчайший срок в тылу создали новую промышленность, которая обеспечила армию первоклассным вооружением. Потеряли много людей. Зато в армию пришла масса новых офицеров, с новым мышлением. В свое время Бисмарк сказал о битве под Садовой, что эту битву под Садовой выиграл и прусский народный учитель. Я бы сказал, что Великую Отечественную войну выиграл советский десятиклассник. Выиграла советская школа, советская сталинская школа. Я сам в этой школе учился. Это

сейчас кажется, что если бы приняли бухаринскую программу сельского хозяйства, то все было бы на месте. Или если не было бы репрессий в армии, то не было бы и таких потерь в начале войны. Я в это не верю. Бухаринская программа, на мой взгляд, была вздорной. Ее сейчас высоко оценивают, потому что она словесно соответствует сегодняшнему дню. А в тех условиях ничего бы из нее не вышло. Благодаря коллективизации была осуществлена индустриализация. Благодаря индустриализации все-таки было создано какое-то вооружение, как-то подготовлена армия. Я подчеркиваю, я был антисталинистом, я готов был убить Сталина. И это казалось мне величайшим делом моей жизни. Я жизнью готов был пожертвовать ради этого. Но как ученый, как человек, склонный к справедливости, я призываю к справедливой оценке прошлого.

Е. А. Не хочу продолжать этот спор, чтобы он не стал самодовлеющим. Но предположим такую ситуацию — хотя это абсолютно вздорное предположение: что вам тогда удалось бы довести свой террористический проект до конца и вы бы, скажем, убили Сталина. Что ж ты считаешь, что страна оказалась бы тогда в худшем положении?

А. З. Не знаю, не знаю. Но думаю, что Сталин был наиболее адекватен условиям того времени и целям, которые стояли перед страной. Для меня тогда Сталин воплощал все мировое зло. Я мог пойти на покушение только потому, что он был для меня мировым злом. А к чему бы это привело, это меня не волновало. Я был уверен в том, что тот, кто пришел бы на место Сталина, продолжил бы ту же политику или потерпел бы крах. Ведь и Сталин в конце концов был продолжателем ленинской политики. Когда мы говорили: «Сталин — это Ленин сегодня»,— это было справедливо.

Е. А. Но ты же сам только что сказал, что, если бы Ленин остался, прожил бы еще несколько лет,— было бы хуже.

А. З. Хуже в смысле выживания социального строя и выживания страны.

Е. А. А что значит — выживания? Выживание-то получилось наполовину, если десятки миллионов людей погибли — какое же это выживание?!

А. З. Коммунистический социальный строй выжил в стране. Несмотря ни на какие жертвы. И страна выстояла в войне. И сейчас в мире нет силы, которая способна разрушить Советский Союз.

Е. А. Перейдем к вопросу о социальном строе. Сейчас этот строй стремится реформироваться, преобразоваться. Ты знаешь, что жить не стало легче сейчас, потому что усугубляются дефициты, тяжесть быта и т. д. Но люди стали чувствовать себя людьми. И то, что мы говорим с тобой сейчас, тоже свидетельство благотворных изменений.

А. З. Вот опять-таки мы касаемся очень сложного вопроса, на который нет однозначного ответа. Ведь и в сталинские годы миллионы людей не только погибали. Миллионы людей чувствовали себя прекрасно.

Е. А. Прекрасно, потому что у них были шоры на глазах, они не могли сопоставлять...

А. З. Ничего подобного. Я пережил ту эпоху, я помню. Сталинская эпоха была самой прекрасной в истории человечества в смысле иллюзий, настроений, хотя и самой мрачной в смысле жертв. Это противоречие. Но реальность и сегодня противоречива в Советском Союзе. Она не такая уж однозначная. В сталинские годы мы плохо питались, плохо одевались, были на уровне нищеты. И вместе с тем один из моих героев говорит, и я его мнение разделяю: «Верни меня хотя бы на одну

минуту в тот прошлый ад». Все-таки перед миллионами людей открылись колоссальные перспективы. Появились инженеры, учителя, профессора, артисты и т. д. А откуда эти люди пришли? Все они приходили из народа.

Е. А. В то же время было запустение и голод в деревне.

А. З. Запустение и голод в деревне — это явление тоже относительное. Вот я работал сам в колхозе. Мать моя работала. За год у нее — 400 трудодней, у меня — 200. Мать получила 3 пуда овса на свои трудодни, я на мои — кузов мякины. Вот все, что мы получили. Но моя мать до смерти в Евангелии держала портрет Сталина. А почему?

Е. А. Саша, это ничего не доказывает.

А. З. Это ничего не доказывает. Я и не хочу ничего доказывать. Я передаю умонастроения, мои умонастроения как человека той эпохи. И не только мои: я жил в окружении таких людей. Мы шли в школу. На фоне неграмотной России получение образования уже было благом. Перед нами открывались институты, училища, академии. Все казалось доступным. Миллионы людей страдали, попадали в лагеря, уничтожались. Но гораздо большее число людей выходило из ужасов прошлой жизни, подымалась жизнь нового рода. Это теперь уже, когда все это исчерпало себя, кажется, что все это не имеет никакой ценности. Появились другие критерии, другие оценки всего происходящего. Но при всех изменениях надо помнить: нельзя создать нечто значительное, унижая и оплевывая прошлое. Назвав Сталина палачом, приписав ему глупости и ошибки, назвав тот период черным провалом в истории, ты тем самым еще не становишься на путь критического переосмысления прошлого. Это еще та же плебейская идеология, только с обратным знаком.

Е. А. Поскольку мы заговорили о современности, давай все-таки рассмотрим проблему реформируемости социализма. Как ты смотришь на сегодняшнее наше общество? Обратимся к твоей последней книге «Катастройка», которая в русском варианте называется «Горбачевизм». Нельзя не признать, у тебя там немало острых наблюдений. Ты видишь многие наши слабые места. Но все-таки у меня такое ощущение, будто ты хочешь сказать: таскать вам не перетаскать, мол, что бы вы там ни делали, ничего у вас не выйдет.

А. З. Очень жаль, если создается такое впечатление. Дело в том, что я написал много статей и эту книгу о сегодняшней ситуации в Советском Союзе, имея перед собою в качестве противника западное общественное мнение. Здесь, на Западе, создали легенду о перестройке, легенду «горбачевизма». Я своими выступлениями стремился разрушить эту легенду.

Е. А. А в чем ты видишь легенду?

А. З. Я сейчас поясню. Естественно, мое внимание сосредоточилось на таких аспектах процесса, которые, может быть, и не являются главными и существенными для тех, кто живет в Советском Союзе. В чем состоит западная легенда? Дело в том, что я различаю глубинные процессы потока истории и пену истории, поверхностные явления. Стали в СССР выбирать депутатов из нескольких кандидатов, а здесь уже кричат о том, что Советский Союз идет по пути к парламентаризму. Появились какие-то частные предприятия — здесь уже кричат о крахе коммунистической экономики: мол, Советский Союз идет по пути приватизации. Здесь ведь даже стали говорить о посткоммунистической эпохе в Советском Союзе. В частности, об этом сказал Бжезинский не так давно. Говорят о том, что коммунизм как социальный строй потерпел крах.

Е. А. А ты как расцениваешь?

А. З. Я считаю, что это все вздор. Советский Союз действительно переживает кризис, и я считаю этот кризис первым в истории коммунизма, специфически коммунистическим кризисом. Любая большая социальная система периодически переживает кризис. Капитализм сколько кризисов пережил?! Феодальное общество пережило кризисы. А теперь это первый коммунистический кризис. Он возник потому, что прошел очень большой период мирного времени, так что объективные законы коммунистического социального строя сработали, дали о себе знать. Я, кстати сказать, этот кризис предсказывал много лет назад, еще живя в Советском Союзе. Я построил мою абстрактную модель коммунизма и в ней показал неизбежность кризисов. Нынешний коммунистический кризис охватил все сферы общества — экономику, систему власти и управления, идеологию, культуру, психологическое состояние страны. Я думаю, нет надобности распространяться на эту тему. Ты сам это знаешь лучше меня. Но кризис не есть крах. Кризис будет преодолен, я думаю, в пять-шесть лет.

Е. А. Но это не значит, что общество вернется на круги своя.

А. З. Нет-нет. Всякая социальная система, преодолевая кризис, делает шаг вперед. Преодолев кризис, советское общество сделает очередной шаг вперед в своей эволюции.

Е. А. А в какую сторону?

А. З. В направлении, естественном для этого общества.

Е. А. У меня ощущение, что ты как бы изначально противопоставляешь, полярно противопоставляешь западное и советское общество.

А. З. Я их различаю с целью обратить внимание на следующее. Какими методами преодолевать кризис? Общество коммунистическое, кризис специфически коммунистический, он может быть преодолен только специфически коммунистическими методами, то есть методами, адекватными данному обществу. В чем состоит особенность сегодняшней ситуации? Сегодня эти методы неэффективны. И более того, они даже могут быть опасными, подорвать авторитет страны в мире. Поэтому советское руководство избрало путь, создающий видимость западнизации страны. Я ставлю перед собой такую проблему: насколько успешными могут быть эти западнообразные методы, такие, например, как частное предпринимательство или выборность депутатов из нескольких кандидатов? Я подвергаю критике этот аспект дела, поскольку на Западе его раздувают. Я говорю, что эта западная акция не означает перестройку советской экономики, что коммунистическая экономика не идет к краху, что выборы депутатов из нескольких кандидатов не меняют систему власти и управления в принципе. Вот то, чем я ограничивался в моих работах до сих пор. Теперь встает вопрос, что получится в результате? Я в общем-то утверждаю, что общество не вернется назад. Это исключено. Большие исторические процессы необратимы. Общество сделало какой-то шаг вперед. Что будет в результате, сейчас пока трудно сказать. Я утверждаю, что и экономически, и в военном отношении через пять-шесть лет страна будет сильнее, чем в брежневские годы. И в мире Советский Союз займет гораздо более сильное положение, чем сейчас. И идеологический кризис будет преодолен. Сейчас в стране идеологический хаос, причем этот хаос доходит до уровня идеологического идиотизма, чего не было даже в сталинское время.

Е. А. Лучше, чтобы было идеологическое единообразие?

А. З. Любое общество вырабатывает так или иначе адекватную ему идеологию. Советское общество в интеллектуальном отношении стало

высокоразвитым обществом. Страна нуждается в выработке идеологии, но идеологии более высокого уровня, чем та, которая была. Марксистская идеология в том виде, в котором она существовала в Советском Союзе, стала неадекватной состоянию общества и интересам этого общества.

Е. А. Ну а что же может быть адекватно?

А. З. Нужно учение о познании, о мышлении, соответствующее современному уровню науки.

Е. А. Здесь ты говоришь о современном уровне и сам же отвергаешь западнизацию. Впрочем, слушаю дальше.

А. З. Марксистское учение об обществе содержит много правильных идей, но можно создать более совершенное учение об обществе. Причем откровенное, не апологетическое. Возьмем такой пример. В советской идеологии говорится, что коммунистическое общество будет обществом всеобщего благополучия, равенства, братства и т. п. Все понимают, что это — вздор. Почему страна, в которой коммунистический социальный строй победил и пути назад нет и не будет, почему такая страна не может себе позволить откровенно сказать: общество, в котором все люди равны экономически и социально, невозможно?! И в коммунистическом обществе существует неравенство, и это естественно. Есть различия начальников и подчиненных. Отношение подчинения есть отношение неравенства.

Е. А. Ты говоришь о коммунистическом обществе. Но никто из официальных идеологов не говорил и не говорит, что оно уже построено. На мой взгляд, идея коммунизма вообще утопична. Другое дело — социализм как общество, основанное на социальной справедливости, но и стимулирующее личность, а не подавляющее, как до сих пор.

А. З. Не будем спорить о словах. На мой взгляд, советское общество и есть настоящее коммунистическое общество. Разделение двух стадий — стадия социализма, где по труду, и стадия коммунизма, где по потребностям, есть вздорное разделение. Что значит — по потребностям? Я приду и скажу, что хочу быть министром. Кто же меня назначит? Или скажу: дайте мне дворец. Уже даже в советских книгах по научному коммунизму говорят о разумных потребностях, то есть о потребностях, которые общество признает как таковые.

Я в какой-то из своих статей писал, что если бы Горбачев пошел на то, чтобы признать необходимость абсолютно правдивой идеологии без всяких иллюзий, уже этим его историческая роль была бы полностью оправдана.

Е. А. Он как раз действует в этом направлении.

А. З. Прекрасно, если это произойдет, страна может только выиграть.

Е. А. Судя по тому, что ты говорил о перспективах развития нашего кризиса, что он будет преодолен, твоя позиция не является сугубо отрицательной. Ведь определенные результаты уже достигнуты: мы становимся более нормальным, более открытым обществом. А из твоей последней книги возникает иное, сугубо мрачное впечатление о нынешнем состоянии, о результатах перестройки.

А. З. Я уже говорил, что моя книга направлена против западных иллюзий. Моя позиция характеризуется не только этой книгой. Я все-таки родился в советском обществе, вырос там, прожил там всю жизнь. Я человек советского общества. Западным человеком я не стал и не стану никогда. Но это не значит, что я в восторге от моего общества. Моя роль в этом обществе — быть его критиком, живя в нем. То есть у меня не было никогда никаких планов разрушения советского общества. Наоборот, я во время войны сражался за него. И потом работал на благо этого общества всю жизнь как ученый. У меня нет даже намерения его реформировать. Я не в этом вижу мою задачу. Я вижу мою чисто личную задачу в том, чтобы анализировать его критически и критиковать его, оставаясь в нем. На этом мои функции кончаются. Никаких планов на будущее у меня нет. Руководство знает лучше, что делать. Это не моя функция. Мне как-то был задан вопрос: а что стал бы делать я, если бы был на месте Горбачева? Я ответил этому человеку: первым же приказом я передал бы вам всю полноту власти. Если бы я стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, это был бы кошмар для страны. Если бы все советские депутаты стали такими, как Сахаров, то страна развалилась бы в течение трех месяцев, а, может быть, и быстрее. Я повторяю, я человек коммунистического общества, функция которого — критиковать это общество, оставаясь в нем. Обычно люди понять такую позицию никак не могут. Обязательно требуют быть либо против, либо за. Либо ты за Горбачева, либо ты против Горбачева. Либо ты за коммунизм, либо ты против. Я ни за, ни против. У меня иное отношение ко всему. Что касается нынешней ситуации в Советском Союзе, то я приветствую все, что делается в смысле и демократизации, и гласности, и какого-то стимулирования экономики. Кем же я в конце концов был бы, если бы я был против этого?! Я не против этого. Но я во всем вижу негативные стороны.

Е. А. Но не только негативные?

А. З. Конечно. Но я не на экзамене по политграмоте. Не моя роль говорить о плюсах. Вспомним Маяковского: «...слава, слава, слава героям, впрочем, им довольно воздали дани, теперь поговорим о дряни». Я говорю о «дряни». Я вовсе не настаиваю на том, что все, что я пишу, есть абсолютная истина. Если еще раз внимательно перечитать мою книгу с этой точки зрения, то увидишь, что я в качестве предпосылки имею то, что ты называешь положительным аспектом дела. Это само собой разумеется.

Е. А. Уцеплюсь за твою фразу, что социализм с человеческим лицом — это вздор. Это что, просто парадокс такой, эпатирование читателей, слушателей? Если люди все-таки, пусть не во всех отношениях, начинают лучше жить, если они начинают себя чувствовать людьми, как же эти человеческие черты можно назвать вздором? Для меня это непонятно, поскольку знаю, как тебя всегда возмущали факты произвола, насилия, всех наших безобразий.

А. З. Что значит коммунизм с человеческим лицом? В Советском Союзе, когда говорят это, то имеют в виду определенное время, а именно, когда нет репрессий, можно свободнее выражать свою мысль, можно поехать, скажем, на Запад и вернуться обратно. Вот что имеется в виду. На Западе же, когда говорят о коммунизме с человеческим лицом, имеют в виду нечто другое. Коммунизмом с человеческим лицом здесь называют некий гибрид коммунизма и капитализма. Причем не просто говорят о том, что людей не сажают и это есть человеческое лицо, а говорят о парламентаризме как форме власти. Якобы парламентаризм может послужить панацеей от всех бед. Говорят о создании политического плюрализма, о свободе предпринимательства и т. д. Коммунизм с человеческим лицом по-разному понимается тут и там. То, как его здесь представляют,— это вздор. И то, что это вздор, не один я утверждаю. А то, что режим может быть мягче, чем он был в брежневские годы, это само собой разумеется. Это, по-моему, и доказывать не нужно, и опровергать не нужно.

Е. А. К этому-то ты относишься положительно?

А. З. Ну а как же. Скажем, если мой сын мог приехать сюда, мой брат скоро приедет сюда — ну что же в этом плохого?!

Е. А. Брата, помнится, в свое время уволили с военной службы?

А. З. Да, его выгнали из-за меня из армии. Выгнали его несправедливо. Он был очень хорошим офицером.

Е. А. Он был военным юристом?

А. З. Да. Причем он прекрасный специалист, честный человек. И о моей книге не имел никакого представления.

Е. А. Ты все время говоришь, что ты советский человек, и, конечно, это отрадно слышать. Но вот возьмем отношение к Западу. Ты относишься критически к Западу, но все-таки там живешь. А как ты себе мыслишь свое состояние? Хотел бы ты вернуться в Советский Союз, хотя бы на какое-то время? Или ты считаешь, что неважно где жить, но надо иметь возможность ездить туда-сюда?

А. З. У меня на этот счет никакой концепции нет. Мне 66 лет. И уже строить какие-то планы на этот счет бессмысленно. Я живу здесь, потому что меня выгнали сюда. Я никогда не стремился уезжать на Запад. Мы эмигрировать не собирались.

Нам предложили покинуть страну в течение нескольких дней. Иначе угрожал арест и высылка. Нам не на что было жить. И мы избрали из двух зол меньшее. Кстати сказать, я благодарен тем людям, которые выслали меня. Живя здесь, на Западе, я реализовался как писатель. А если бы я остался в Советском Союзе, я погиб бы как ученый и не смог бы проявиться как писатель. Западным человеком я не стал и не стану никогда — поздно. В таком возрасте не перерождаются, и я не хочу перерождаться. Мой дом — Россия, и не просто Россия, а Россия в том виде, как она сложилась после революции. И если бы мне предложили выбирать дореволюционную Россию или послереволюционную Россию, я бы выбрал послереволюционную, несмотря ни на что. Несмотря на ужас коллективизации, несмотря на репрессии. Даже если бы сам мог погибнуть.

Теперь насчет нынешнего положения. Хотел бы я вернуться в Россию? Для меня вопрос возвращения в Россию не есть вопрос физического возвращения. Это не проблема. Я за эти десять лет жизни на Западе стал писателем, написал больше двадцати книг. Я убежден в том, что мои книги являются серьезным вкладом в русскую культуру. Приехать в Россию — это не проблема. Не в этом суть дела. Приехать просто так, чтобы сыграть роль в какой-то пропагандистской кампании? Мне эта роль не подходит. Я к жизни и к истории отношусь гораздо серьезнее. Меня больше волнует перспектива моей страны на будущее. Я хочу, чтобы мое творчество стало достоянием моего народа и моей страны. Я в конце концов не для самого себя все это создавал.

Е. А. Перейдем теперь к проблемам национальным. Как ты видишь наши внутри- и межнациональные перспективы?

А. З. Национальные проблемы, конечно, самые деликатные, и я с ними имел много неприятностей. Когда я критиковал качества русского народа, к которому я принадлежу, меня зачислили в русофобы. Когда я сказал, что русские живут в Советском Союзе хуже, чем другие национальности, меня почему-то зачислили в антисемиты. И то и другое — чепуха. Я не восторгаюсь русским народом. Чаще я критикую его отдельные качества. Но это не значит, что я действительно плохо настроен по отношению к моему народу. Мое отношение к русскому народу гораздо серьезнее и глубже. Я принадлежу к нему. Чувство принадлежности к русскому народу у меня является самым глубоким. Поэтому я могу позволить себе ругаться.

Я думаю, что таким же было отношение к русскому народу у Лермонтова, когда он писал «страна рабов, страна господ», у Чернышевского, когда он говорил «рабы сверху донизу — все рабы», у Чаадаева.

Е. А. У Щедрина, конечно.

А. З. Да, и у Щедрина. Живя здесь, на Западе, я постоянно сталкивался с несправедливыми оценками русского народа, его истории, его культуры и его положения в советском обществе. Я переживал все это чрезвычайно болезненно. Но вот появились какие-то националистические движения в России. Должен признаться, что я не могу присоединиться к этим движениям. Я считаю, что самой серьезной поддержкой русской культуры и русского народа была бы поддержка тех, кто живет сегодня и работает на самом деле в пользу русской культуры, кто на самом деле делает вклад в мировую культуру и тем самым в русскую культуру. Конечно, это хорошо, когда вспоминают Цветаеву, Гумилева и каких-то других деятелей русской культуры прошлого. Но этого крайне недостаточно. Нужно на деле поддерживать живущих деятелей русской культуры. Где бы они ни находились.

Я, разумеется, очень высоко оцениваю таких писателей, как Распутин, Белов, Астафьев и многие другие, и я чрезвычайно рад, что такие писатели есть, но я очень высоко ценю и такого «нового» писателя, как Венедикт Ерофеев. Я считаю его роман «Москва — Петушки» жемчужиной русской литературы. По-моему, это одно из лучших произведений послереволюционной русской литературы.

Я очень люблю Фазиля Искандера. Это прекрасный писатель. Я его не исключаю из русской культуры. Мне вообще не хочется разделять нынешнюю советскую культуру по национальным признакам. Для меня проблема национальности никогда вообще не вставала как актуальная. Скажем, Булат Окуджава — грузин по национальности, по происхождению. Но все равно это русская культура. Высоцкий наполовину русский, наполовину еврей. Но это русская культура. Мандельштам, Пастернак, Ахматова и многие другие этнически нерусские писатели суть деятели русской культуры. Так что дело не в национальности. Но все-таки национальные проблемы существуют. На Западе они принимаются в чудовищно искаженной форме. В частности, русский народ изображается так, будто он эксплуатирует все другие народы. Я не могу с этим согласиться. Я думаю, что судьба русского народа намного тяжелее, чем судьба других народов. И жизненный уровень гораздо ниже.

Е. А. Очень тяжелое состояние у малых северных народов.

А. З. Если какие-то нации страдают, то не в силу национальных, а в силу социальных отношений. Я вообще считаю, что раздувать национальные проблемы — это значит маскировать реальные проблемы в стране и ориентировать внимание в ложном направлении.

Е. А. Теперь вернусь к твоей последней книге. Там есть такие пассажи, скажем, уже после начала перестройки, когда всем было ясно, что меняется наша внешняя политика, ты пишешь, что, хотя выводят войска из Афганистана, введут другие. И далее в том же роде. Но сейчас-то наши войска выведены окончательно. Пишешь о почетных президиумах во главе с Горбачевым. Но сейчас ничего подобного нет. Пишешь о выборах для простаков, о том, что мы будто бы запускаем щупальца во все уголки планеты. Или все это, как ты сказал, ставить надо в контекст того, что ты социальный критик и ты говоришь так, чтобы это больше не повторялось, или здесь какой-то другой смысл?

А. З. Конечно, нужно все это брать в определенном контексте.

Е. А. Иначе все эти слова можно выхватить из контекста, вынести в заголовок и устроить шум вокруг этого.

А. З. Конечно. Так это и получается постоянно. Но избежать этого все равно невозможно. Кроме того, постоянно смешивают нравственно-эмоциональный и социологическо-исследовательский аспект. Я пишу в основном во втором, но он воспринимается как первый. Я, например, пишу, что Советский Союз проводит чрезвычайно успешную пропаганду во всем мире. Успех беспрецедентный. Но я этим не восторгаюсь, и я это не осуждаю. Я констатирую это. А различные читатели истолковывают это по-своему. Или другой пример: я говорю о тенденции горбачевского руководства к сталинизму. У слушателей сразу же возникают свои ассоциации, исключающие объективное понимание моих слов.

Е. А. Но все-таки Горбачев и Сталин действуют в противоположных направлениях.

А. З. Отчасти да. Но в целом, в тенденции Горбачев идет тем же путем. Я никого не хочу запугивать этим. Я лишь оцениваю ситуацию с социологической точки зрения. Назову только некоторые ее аспекты. Что такое кризис советского общества? Один из его признаков заключается в том, что общество вышло из-под контроля системы власти и управления. Другой признак — система власти и управления вышла из-под контроля высшего аппарата власти. Чтобы преодолеть кризис, хочет этого Горбачев или нет, любой советский руководитель должен создать аппарат сверхвласти, который позволил бы ему контролировать всю систему власти...

Е. А. Может, лучше сказать не «аппарат», а «механизм»?

А. З. Можно назвать механизмом. Какой-то механизм, чтобы контролировать всю систему власти. Этот механизм составляет часть системы власти. Это социологический факт. Вторая задача — привести всю систему власти в такое состояние, чтобы она могла контролировать все общество. Этим путем шел Сталин. Я как специалист по теории больших социальных систем утверждаю, что это общее явление.

Короче говоря, я рассматриваю все аспекты общества и обнаруживаю некоторую общую закономерность. Людей почему-то это пугает. Я не говорю: это плохо. Я говорю: другого пути не существует.

Е. А. А проблема обратной связи — как она решается в твоей схеме?

А. З. Проблема обратной связи различно выглядит в западном обществе и в советском обществе. Одна из особенностей коммунистической организации общества состоит в том, что не столько система управления приспосабливается к обществу, сколько общество должно быть приспособлено к интересам управляемости. Эта обратная связь здесь в принципе отличается от Запада.

Е. А. Неужели не может быть иначе в нашем обществе?

А. З. Может быть иначе, но до какой степени? Есть определенные законы управляемости. Например, данный механизм управления может контролировать такое-то число предприятий. Если число предприятий растет или усложняется их функционирование, нарушается соответствие. И тогда должен либо другой аппарат управления создаваться, либо само управляемое общество должно подгоняться под аппарат управления, то есть каким-то образом ограничиваться, регулироваться. Я критикую горбачевскую политику самофинансирования, хозрасчета, поощрения частных предприятий именно с этой точки зрения. Я считаю, что поощрение частного предпринимательства не есть выход из положения. Наоборот, оно будет способствовать усилению хаоса. Система хозрасчета и самофинансирования тоже палка о двух концах.

Е. А. Ты предлагаешь вернуться к сталинской централизованной системе?

А. З. Нет. Ничего я не предлагаю. Я предлагаю проанализировать положение с точки зрения определенной концепции. Если, например, кто-то мне скажет, что он прыгнет в высоту на 3 метра, я отвечу: нет, не прыгнешь, невозможно это.

Е. А. То есть ты говоришь, что система этого не позволит?

А. З. Я просто фиксирую: что возможно в этой системе и что невозможно в принципе.

Е. А. А что же возможно? Скажем, в экономике?

А. З. Я не экономист, и я не политик. Я знаю только одно: коммунистическое общество характеризуется не понятием экономической эффективности, как западное, а понятием социальной эффективности, даже нерентабельные предприятия могут существовать и быть полезными, на Западе же они погибают. В социальной эффективности учитывается, например, степень паразитарности, ненужная в формуле экономической эффективности. Поясню примером. В Германии выпускается масса приборов для оперирования с яйцами. Для советских людей — это избыточное производство, лишь бы яйца были, а съесть их они могут и без этих приборов. В западной экономике эта паразитарная, или избыточная, часть достигает колоссальных размеров. Если рассматривать эффективность экономики с точки зрения выживания в военных условиях, то советское общество имеет более высокий коэффициент, чем западное. Если ты идешь в поход, ты должен все лишнее бросить. В случае, когда встанет острая потребность для страны выжить, может быть, добрая половина экономики такой страны, как Западная Германия, окажется балластом. Западная страна, очутившись в том положении, в каком был Советский Союз в начале Отечественной войны, не выдержала бы, погибла бы. Коммунистическая экономика может выжить. Все зависит от того, как мы подходим к проблеме. С точки зрения бытовой западная экономика имеет массу преимуществ. Но есть и другие аспекты, в которых социальная эффективность тоже имеет преимущества. Например, отсутствие безработицы, стабильность положения, отсутствие риска, легкие условия труда и т. п.

Е. А. Сейчас уже в соцстранах обнаруживается безработица.

А. З. Тем хуже для них. Безработица — это удар по коммунизму.

Е. А. Пусть лучше будет не коммунизм, а неполный социализм.

А. З. «Неполный» коммунизм возможен в маленьких странах, таких, как Венгрия. А в такой гигантской стране, как Советский Союз, это чревато последствиями. Пожив на Западе, я понял, что такое безработица, что такое негарантированная работа и прочие язвы капитализма. Как говорится, что имеем — не жалеем, потерявши — плачем. Самую большую опасность для коммунистического социального строя представляет не давление Запада, а утрата преимуществ этого строя, таких, как гарантированная работа, гарантированные минимальные жизненные потребности, гарантированное образование и т. д. Если они начнут утрачиваться, на коммунизме можно ставить крест.

Е. А. Я бы тебе ответил здесь возражением, довольно популярным у нас в стране, хотя я не могу сказать, что я с ним согласен. Когда в известном телеинтервью зашла речь о преимуществах социализма, госпожа Тэтчер сказала нашим журналистам: а какие, собственно, преимущества? Имелось в виду, что, скажем, пособие по безработице на Западе выше, чем наша зарплата, с одной стороны, а, с другой стороны, наши социальные гарантии ввиду ухудшения экономического положения оказываются менее действенными. Возьми положение пенсионеров или многодетных семей, оно просто драматично сейчас.

А. З. Мнение Тэтчер не есть мнение эксперта. Я неоднократно

слушал такого рода возражения. Я утверждаю, что они все вздорны. Вырывают из общего строя жизни отдельное явление и сравнивают с аналогичным явлением на Западе. Возьмем такой пример. Я был профессором в России. Моя заработная плата была 500 рублей в месяц. Западные «мыслители» переводят ее в доллары — 500 долларов и кричат: это же американский солдат получает 500 долларов! Нищенское положение! Но я мое положение советского профессора не сменял бы на положение западного профессора и генерала. Жизненный уровень определяется не только заработной платой. Существует масса других факторов, включая такие, как человеческое общение, отношение начальства с подчиненными, включая даже такие вроде пустяки, например, рабочий может, уходя от директора, хлопнуть дверью. А попробуй хлопнуть дверью, будучи служащим какой-либо фирмы на Западе! Считается, что в Советском Союзе процветает чинопочитание. Здесь, на Западе, этого чинопочитания и холуйства не меньше, а может быть, и больше. Пособие по безработице выше, чем советская зарплата. Смотря как пересчитывать и что иметь в виду. Пусть госпожа Тэтчер сама попробовала бы хотя бы год пожить на это пособие. Есть и морально-психологический аспект. Может быть, странно слышать от меня такие слова?

Вроде бы коммунизм переживает кризис, вроде бы ценности коммунизма подвергнуты сомнению, демократия вроде бы торжествует. Но я должен сказать, что сейчас строить иллюзии на счет какой-то послекоммунистической эпохи слишком рано. Соревнование еще только начинается. Коммунистическое общество просуществовало только 70 лет. Для истории это миг. Капиталистическое общество существует многие столетия. Я не апологет коммунизма. Я апологет истины о коммунизме.

Е. А. Теперь последние вопросы. Мне очень понравилось название твоей книги — «Живи», несмотря на мрачное впечатление от нее. Ты как бы другу и себе говоришь: живи! Ради дружбы стоит жить.

В книге есть такие, например, мысли. Важно то, что мы сидим вместе, какая-то незримая сила делает нас очень близкими друг другу. Бывают такие минуты, когда кажется, что ради них и затеяна вся жизнь... Ради одного такого мгновения стоит страдать годы и даже жизнью пожертвовать.

Это, видимо, как-то отвечает твоему внутреннему настроению?

А. З. Безусловно. Я напомню о том, что мне 66 лет. Что я вырос в 20—30-е годы, самые идеалистические годы в советской истории. Я вырос как человек, готовый всем пожертвовать для коллектива, способный жить на самом минимальном уровне житейском, как человек, который превыше всего ценит другого человека. Для меня высшая ценность в жизни есть другой человек, с которым можно поговорить, который понимает тебя, которого ты сам понимаешь. В «Правде» правильно написали, что Зиновьев миллионером не стал. Но я и не стану никогда миллионером и не стремлюсь к этому. Мои книги для меня есть форма общения. Как бы ты ни отнесся к этой книге «Живи» критически, уже одно то, что человек такого интеллектуального склада, как ты, прочитал эту книгу, мне уже доставляет удовольствие. Несмотря ни на что, у нас сходная реакция на все происходящее в мире, на отношения между людьми. В этом и есть суть дела. Герои моей книги «Живи» в значительной мере выражают и мои мысли. И отрицательные герои тоже.

Е. А. Какая из твоих книг тебе больше близка, какую ты считаешь лучшей?

А. З. Разумеется, «Зияющие высоты», потом «Желтый дом» и «Иди на Голгофу» вместе с «Евангелием для Ивана».

Дорогие друзья!

Мы поздравляем вас с наступающим Новым годом!

Год уходящий был трудным — много всякого разного, хорошего и дурного, светлого и грустного, вместили в себя 365 его дней.

Но согласитесь, это не был год, который забудется сразу, стоит лишь оторвать последний листок календаря.

И будущий год не обещает быть легким, по насыщенности событиями и делами он не уступит 89-му. Время сейчас словно спрессовывается, беря реванш за годы и годы, прошедшие в апатии и духоте.

Мы благодарим вас, наши читатели, за доброжелательное отношение к журналу, за письма, которые вы нам писали, за обеспокоенные звонки в редакцию, когда журнал задерживался с выходом.

Мы благодарим наших авторов за участие и внимание, без которых «Горизонт» давно бы утонул в бушующем море сегодняшней периодики.

Конечно, не все нам удалось сделать в уходящем году, не все, что хотели,— напечатать, не все материалы были на уровне ваших требований, ваших надежд. Но ведь мы не расстаемся, правда? 1990 год, надеемся, будет удачней.

До новых встреч!

Редколлегия и редакция

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **3.** «Гусар». **6.** Аккордеон. **7.** Бараташвили. **14.** «Фауст». **15.** Аллея. **17.** Кашалот. **22.** Реноме. **23.** Сидней. **24.** Контрапункт. **25.** Патент. **26.** Равель. **27.** Альтаир. **31.** Скриб. **32.** Сцена. **33.** Амортизация. **38.** Процедура. **39.** Парча.

По вертикали: **1.** Курорт. **2.** Чардаш. **4.** Икар. **5.** Пони. **7.** Биссектриса. **8.** Айва. **9.** Арка. **10.** Вето. **11.** Иллюстрация. **12.** «Чародейка». **13.** Сердцевина. **16.** Легар. **17.** Канва. **18.** Шарль. **19.** Лепта. **20.** Тенор. **21.** Шелли. **28.** Лувр. **29.** Типи. **30.** Игла. **34.** Одра. **35.** Тициан. **36.** Задача. **37.** Цирк.